

воспоминания
мемуары

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

Борьба генерала Корнилова
Август 1917 – апрель 1918

Антон Деникин

**Очерки русской смуты.
Борьба генерала Корнилова.
Август 1917 г. – апрель 1918 г.**

«Public Domain»

1922

Деникин А. И.

Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. / А. И. Деникин — «Public Domain», 1922 — (Очерки русской смуты)

ISBN 978-5-425-08403-3

Автор «Очерков русской смуты» Антон Иванович Деникин (1872–1947), занимая в период с 1917 по 1920 гг. ключевые посты в русской армии, сыграл значительную роль в истории России, став одним из руководителей белого движения. В данной книге автор рассказывает о событиях, происходящих в России с августа 1917 года по апрель 1918-го: Корниловское движение и арест Корнилова, победа Керенского и финал его диктатуры, первые дни большевизма, формирование Добровольческой армии и вступление Деникина в командование ею. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-425-08403-3

© Деникин А. И., 1922

© Public Domain, 1922

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	33
Глава VI	43
Глава VII	54
Глава VIII	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Том второй

Борьба Генерала Корнилова

Август 1917 г. – апрель 1918 г

Предисловие

31 марта 1918 года русская граната, направленная рукою русского человека, сразила великого русского патриота. Труп его сожгли, и прах рассеяли по ветру.

За что? За то ли, что в дни великих потрясений, когда недавние рабы склонялись перед новыми владыками, он сказал им гордо и смело: уйдите, вы губите русскую землю.

За то ли, что не щадя жизни, с горстью войск, ему преданных, он начал борьбу против стихийного безумия, охватившего страну, и пал поверженный, но не изменивший долгу перед Родиной?

За то ли, что крепко и мучительно любил он народ, его предавший, его распявши

Пройдут года, и к высокому берегу Кубани потекут тысячи людей поклониться праху мученика и творца идеи возрождения России. Придут и его палачи.

И палачам он простит.

Но одним не простит никогда.

Когда Верховный главнокомандующий томился в Быховской тюрьме в ожидании Шемякина суда, один из разрушителей русской храмины сказал: «Корнилов должен быть казнен; но, когда это случится, приду на могилу, принесу цветы и преклоню колена перед русским патриотом».

Проклятье им – прелюбодеям слова и мысли! Прочь их цветы! Они оскверняют святую могилу

Я обращаюсь к тем, кто и при жизни Корнилова и после смерти его отдавали ему цветы своей души и сердца, кто некогда доверил ему свою судьбу и жизнь:

Средь страшных бурь и боев кровавых, останемся верными его заветам. Ему же – вечная память

Речь, произнесенная автором в Екатеринодаре в 1919 г.

Брюссель 1922 г.

Очерки Русской Смуты

Глава I

Расхождение путей революции. Неизбежность переворота

Широкое обобщение слагаемых сил революции в две равнодействующие – Временное правительство и Совет – допустимо в известной степени лишь в отношении первых месяцев революции. В дальнейшем течении ее происходит резкое расслоение в среде правящих и руководящих кругов, и месяцы июль и август дают уже картину многосторонней междоусобной борьбы. На верху эта борьба идет еще в довольно отчетливых границах, разделяющих борющиеся стороны, но отражение ее в массах являет образ полного смешения понятий, неустойчивости политических взглядов и хаоса в мыслях, чувствах и движениях. Иногда только, в дни серьезных потрясений происходит вновь дифференциация, и вокруг двух борющихся сторон собираются самые разнородные и зачастую политически и социально-враждебные друг другу элементы. Так было 3 июля (восстание большевиков) и 27 августа (выступление Корнилова). Но тотчас же по миновании острого кризиса внешнее единение, вызванное тактическими соображениями, распадается, и пути вождей революции расходятся.

Резкие грани прошли между тремя главенствующими учреждениями: Временным правительством, Советом (Центральный исполнительный комитет) и верховным командованием.

В результате длительного правительственного кризиса, вызванного событиями 3–5 июля, разгромом на фронте и непримиримой позицией, занятой либеральной демократией, в частности кадетской партией, в вопросе об образовании власти,¹ Совет вынужден был освободить формально министров социалистов от ответственности перед собою и предоставить право Керенскому единолично формировать правительство. Объединенные центральные комитеты постановлением от 24 июля обусловили поддержку со стороны советов правительству соблюдением им программы 8 июля и оставляли за собою право отзывать министров социалистов, в случае уклонения их деятельности от намеченных программой демократических задач. Но, тем не менее, факт известной эмансипации правительства от влияния советов, как результат растерянности и ослабления руководящих органов революционной демократии в июльские дни, не подлежит сомнению. Тем более, что в состав 3-го правительства вошли социалисты или мало влиятельные или, как Авксентьев (министр внутренних дел), Чернов (министр земледелия), Скобелев (министр труда), не сведущие в делах своего ведомства. Ф. Кокошкин в московском комитете партии к. д. говорил «за месяц нашей работы в правительстве совершенно не было заметно влияние на него Совдепа... Ни разу не упоминалось о решениях Совдепа, постановления правительства не применялись к ним»... И внешне взаимоотношения изменились: министр-председатель не то избегал, не то игнорировал Совет и Центральный комитет, не появляясь на их заседаниях и не давая им, как раньше, отчета.²

Но борьба – глухая, напряженная продолжалась, имея ближайшими поводами расхождение правительства и центральных органов революционной демократии в вопросах начавшемся преследовании большевиков, репрессиях в армии, организации административной власти и т. д.

¹ К. д-ты требовали создания власти, покоящейся – на общенациональной почве и представленной лицами, – не ответственными ни перед какими организациями и комитетами.

² Был один раз за 1 – месяца.

Верховное командование занимало отрицательную позицию как в отношении Совета, так и Правительства. Как постепенно назревали такие отношения, говорилось в 1 томе. Оставляя в стороне детали и поводы, обострившие их, остановимся на основной причине: генерал Корнилов стремился явно вернуть власть в армии военным вождям и ввести на территории всей страны такие военносудебные репрессии, которые острием своим в значительной степени были направлены против советов и особенно их левого сектора. Поэтому, не говоря уже о глубоком политическом расхождении, борьба советов против Корнилова являлась, вместе с тем, борьбой их за самосохранение. Тем более, что давно уже в руководящих органах революционной демократии капитальнейший вопрос обороны страны потерял свое самодовлеющее значение и, по свидетельству Станкевича, если иногда и выдвигался в Исполнительном комитете на первый план, «то только как средство для сведения других политических счетов». Совет и Исполнительный комитет требовали поэтому от правительства смены Верховного главнокомандующего и разрушения «контрреволюционного гнезда», каким в их глазах представлялась Ставка.

Керенский, фактически сосредоточивший в своих руках правительственную власть, очутился в особенно трудном положении: он не мог не понимать, что только меры сурового принуждения, предложенные Корниловым, могли еще, быть может, спасти армию, освободить окончательно власть от советской зависимости и установить внутренний порядок в стране. Несомненно освобождение от советов, произведенное чужими руками или свершившееся в результате событий стихийных, снимавших ответственность с Временного правительства и Керенскагр, представлялось ему государственно-полезным и желательным. Но добровольное принятие предуказанных командованием мер вызвало бы полный разрыв с революционной демократией, которая дала Керенскому имя, положение и власть и которая, не взирая на оказываемое ею противодействие, все же, как это ни странно, служила ему хоть и шаткой, но *единственной* опорой. С другой стороны, восстановление власти военного командования угрожало не реакцией – об этом Керенский часто говорил, хотя вряд ли серьезно в это верил – но, во всяком случае, перемещением центра влияния от социалистической к либеральной демократии, крушением социал-революционной партийной политики и утратой преобладающего, быть может и всякого, влияния его на ход событий. К этому присоединилась и личная антипатия между Керенским и генералом Корниловым, из которых каждый не стеснялся высказывать подчас в весьма резкой форме свое отрицательное отношение один к другому и ожидал встретить не только противодействие, но и прямое покушение с противной стороны. Так генерал Корнилов опасался ехать к 10-му августу в Петроград на заседание Временного правительства, ожидая почему то смещения с поста и даже личного задержания... И, когда все же по совету Савинкова и Филоненко он поехал, его сопровождал отряд текинцев, которые поставили пулеметы у входов в Зимний дворец во время пребывания там Верховного главнокомандующего. В свою очередь Керенский еще 13–14 августа в Москве в дни государственного совещания ожидал активного выступления со стороны приверженцев Корнилова и принимал меры предосторожности. Несколько раз Керенский возбуждал вопрос об удалении Корнилова, но, не встречая сочувствия этому решению ни в военном министерстве, ни в среде самого правительства, с тревогой ждал развития событий. Еще 7 августа помощник комиссара при Верховном главнокомандующем предупредил Корнилова, что вопрос об его отставке решен в Петрограде окончательно. Корнилов ответил: «лично меня вопрос о пребывании на посту мало занимает, но я прошу довести до сведения кого следует, что такая мера вряд ли будет полезна в интересах дела, так как может вызвать в армии волнения»...

Раскол не ограничивался вершинами власти: он шел глубже и шире, поражая бессилием ее органы.

Временное правительство представляло механическое соединение трех групп, не связанных между собой ни общностью задач и целей, ни единством тактики: министры – социалисты,³ либеральные министры⁴ и отдельно – триумвират, в составе Керенского (с.-р.), Некрасова (р.-д.) и Терещенко (безп.). Если часть представителей первой группы находила зачастую общий язык и одинаковое государственное понимание с либеральными министрами, то Авксентьева, Чернова и Скобелева, сосредоточивших в своих руках все важнейшие ведомства, отделяла от них пропасть. Впрочем значение обеих групп было довольно ничтожно, так как триумвират «самостоятельно решал все важнейшие вопросы вне правительства, и иногда даже решения их не докладывались последнему».⁵ Протесты министров против такого порядка управления, представлявшего совершенно не прикрытую диктатуру, оставались тщетными. В частности свое расхождение с Корниловым и вопрос о предложенных им почти ультимативно мероприятиях Керенский старался всемерно изъять из обсуждения правительства.

Несколько в стороне от этих трех групп, вызывая к себе сочувствие либеральной, оппозицию социалистической и плохо скрытое раздражение триумвирата, стояло военное министерство Савинкова.⁶ Савинков порвал с партией и с советами. Он поддерживал резко и решительно мероприятия Корнилова, оказывая непрестанное и сильное давление на Керенского, которое, быть может, увенчалось бы успехом, если бы вопрос касался только идеологии нового курса, а не угрожал Керенскому перспективой самоупразднения... Вместе с тем, Савинков не шел до конца и с Корниловым, не только облекая его простые и суровые положения в условные внешние формы «завоеваний революции», но и отстаивая широкие права военно-революционным учреждениям – комиссарам и комитетам. Хотя он и признавал чужеродность этих органов в военной среде и недопустимость их в условиях нормальной организации, но... по-видимому надеялся, что после прихода к власти комиссарами можно было назначать людей «верных», а комитеты – взять в руки. А в то же время бытие этих органов служило известной страховкой против командного состава, без помощи которого Савинков не мог достигнуть цели, но в лояльность которого в отношении себя он плохо верил. Характер «содружества» и сотрудничества генерала Корнилова и Савинкова определяется тем небезынтересным фактом, что приближенные Корнилова считали необходимым во время приездов Савинкова в Ставку и в особенности во время их бесед с глазу на глаз принимать некоторые меры предосторожности... Так было не только в конце августа в Могилеве, но и в начале июля в Каменец-Подольске.

Савинков мог идти с Керенским против Корнилова и с Корниловым против Керенского, холодно взвешивая соотношение сил и степень соответствия их той цели, которую он преследовал. Он называл эту цель – спасением Родины; другие считали ее личным стремлением его к власти. Последнего мнения придерживались и Корнилов и Керенский.

Раскол созрел и в руководящих органах революционной демократии. Центральный исполнительный комитет советов все более и более расходился с Петроградским советом как по вопросам принципиальным, в особенности о конструкции верховной власти, так и вследствие претензии обоих на роль высшего представительства демократии. Более умеренный Центральный комитет не мог уже состязаться пленительными для масс лозунгами с Петроградским советом, неудержимо шедшим к большевизму. В среде самого совета по основным политическим вопросам все чаще обозначалась прочная коалиция меньшевиков

³ Авксентьев (с – р), Скобелев (с.-д.), Пысехонов (н.-с.), Чернов (с.-р.), Зарудный (с – р.), Прокопович (с.-д.), Никитин (с.-д.).

⁴ Ольденбург, Юренев, Кокошкин, Карташов (К. д-ты), Ефремов (р.-д.).

⁵ Доклад Ф. Кокошкина 31 августа.

⁶ Управляющий – Савинков, начальник политического отделения Степун, комиссар при Ставке – Филоненко.

– интернационалистов, левых социал-революционеров и большевиков. Если обострились сильно грани между двумя основными подразделениями социал-демократии, то еще резче проявилось разложение другой главенствующей партии – социал-революционеров, из которой после июльских дней, не порывая еще окончательно формальной связи со старой партией, выделилось левое крыло ее, наиболее яркой представительницей которого была Спиридонова. В течении августа левые с. – ры., возросши численно в советской фракции чуть ли не до половины ее состава, становятся в резкую оппозицию и к партии, и к кругам, единомышленным с Центральным исполнительным комитетом, требуя полного разрыва с правительством, отмены исключительных законов, немедленной социализации земли и сепаратного перемирия с центральными державами.

В такой нервной, напряженной атмосфере протекал весь июль и август месяцы. Трудно учесть и разграничить зависимость двух аналогичных явлений полного разброда – среди правящих и руководящих верхов с одной стороны и народной массы – с другой: был ли разброд наверху прямым отражением того состояния брожения страны, в котором еще не могло определиться конечных целей, стремлений и воли народной, или наоборот – болезнь верхов поддерживала и углубляла процесс брожения. В результате, однако, не только не появлялось ни малейших признаков оздоровления, а наоборот все стороны народной жизни быстро и неизменно шли к полному расстройству.

Участились и внешние проявления этого расстройства, в особенности в области обороны страны. 20 августа разразилась рижская катастрофа, и германцы явно начали готовиться к большой десантной операции, угрожавшей Ревелю и Петрограду. В то время, когда производительность военной промышленности падала в угрожающих размерах (снарядное производство на 60 проц.), 14 августа происходит вызванный несомненно злонамеренно грандиозный взрыв пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани, которым уничтожено было до миллиона снарядов и до 12 тысяч пулеметов. Во второй половине августа назревала всеобщая железнодорожная забастовка, угрожавшая параличом нашему транспорту, голодом на фронте и всеми сопряженными с этим явлением роковыми последствиями. В армии участились случаи самосудов и неповиновения. То словоблудие, которое текло непрерывно из Петрограда и там отравляло и опьяняло мысль и совесть верхов революционной демократии, на широкой арене народной жизни обращалось в прямое действие. Целые области, губернии, города порывали административную связь с центром, обращая русское государство в ряд самодовлеющих и самоуправляющихся территорий, связанных с центром почти исключительно... неимоверно возросшей потребностью в государственных денежных знаках. В этих «новообразованиях» постепенно пропадал вызванный первым подъемом революции интерес к политическим вопросам, и разгоралась социальная борьба, принимая все более сумбурные, жестокие, негосударственные формы.

А на фоне этой разрухи надвигалось новое потрясение – вновь и явно подготавливавшееся восстание большевиков. Оно было приурочено к концу августа. Если тогда могли возникать сомнения и колебания в оценке положения и грозящей опасности, в выборе «равнодействующей» и в томительных поисках жизнеспособной коалиции, то теперь, когда август 1917 года – уже далекое прошлое, сделавшееся достоянием истории, не может быть никаких сомнений по крайней мере в одном: что только власть, одухотворенная решимостью беспощадной борьбы с большевизмом, могла спасти страну, почти обреченную.

Этого не мог сделать Совет, органически связанный со своим левым крылом. Не мог и не хотел, «не допуская борьбы с целым политическим течением» и лицемерно требуя от правительства прекращения «незаконных арестов и преследования», применяемых к «представителям крайних течений социалистических партий».⁷

⁷ Резолюции 24 июля и 20 августа.

Этого не мог и не хотел сделать и Керенский – товарищ председателя Совета, грозивший некогда большевикам «железом и кровью». Даже 24 октября, то есть накануне решительного большевистского выступления, признав наконец «действия русской политической партии (большевиков) предательством и изменой Российскому государству», Керенский, говоря о захвате власти в петроградском гарнизоне военно-революционным комитетом, поясняет: «но и здесь военная власть *по моему указано*, хотя и было наличие всех данных для того, чтобы приступить к решительным и энергичным мерам, считала надобным дать сначала людям возможность сознать свою сознательную или бессознательную ошибку»...⁸

Таким образом, стране предстояла альтернатива: без борьбы и в самом непродолжительном времени подпасть под власть большевиков, или выдвинуть силу, желающую и способную вступить с ними в решительную борьбу.

⁸ Речь в «Совете республики».

Глава II

Начало борьбы: генерал Корнилов, Керенский и Савинков. Корниловская «записка» о реорганизации армии

В борьбе между Керенским и Корниловым, которая привела к таким роковым для России результатам, замечательно отсутствие прямых политических и социальных лозунгов, которые разъединяли бы борющиеся стороны. Никогда, ни до выступления, ни во время его – ни официально, ни в порядке частной информации Корнилов не ставил определенной «политической программы». Он ее не имел. Тот документ, который известен под этим названием, как увидим ниже, является плодом позднейшего коллективного творчества быховских узников. Точно также в сфере практической деятельности Верховного главнокомандующего, облеченного не отмененными правами в области гражданского управления на территории войны, он избегал всякого вмешательства в правительственную политику. Единственный приказ его в этой сфере имел ввиду земельную анархию и, не касаясь правовых взаимоотношений землевладельцев, устанавливал лишь судебные репрессии за насильственные действия, угрожавшие планомерному продовольствованию армии, вследствие «самоуправного расхищения на театре военных действий государственного достояния». Достоин внимания ответ Корнилова явившимся к нему подольским землевладельцам:⁹

– Вооруженную силу для охраны урожая, необходимого для армии, я дам. Я не постесняюсь применять эту вооруженную силу по отношению к тем безумцам, которые, ради удовлетворения низменных инстинктов, губят армию. Но я не задумаюсь так же расстрелять любого из вас, в случае обнаружения нерадения или злоумышления при сборе нынешнего урожая.

Несколько неожиданно отсутствие яркой политической физиономии у вождя, который должен был взять временно в свои руки руль русского государственного корабля. Но при создавшемся к осени 1917 года распаде русской общественности и разброде политических течений казалось, что только такого рода нейтральная сила при наличии некоторых благоприятных условий могла иметь шансы на успех в огромном численно, но рыхлом интеллектуально сочетании народных слоев, стоявших вне рамок «революционной демократии». Корнилов был солдат и полководец. Этим званием своим он гордился и ставил его всегда на первый план. Мы не можем читать в душах. Но делом и словом, подчас откровенным, не предназначавшимся для чужого слуха, он в достаточной степени определил свой взгляд на предстоящую ему роль не претендуя на политическую непогрешимость, он смотрел на себя, как на могучий таран, который должен был пробить брешь в заколдованном круге сил, облепивших власть, обезличивших и обескровивших ее. Он должен был очистить эту власть от элементов негосударственных и не национальных и во всеоружии силы, опирающейся на восстановленную армию, поддержать и провести эту власть до изъяснения подлинной народной воли.

Но слишком, быть может, терпимый, доверчивый и плохо разбиравшийся в людях, он не заметил, как уже с самого зарождения его идеи ее также облепили со всех сторон элементы мало-государственные иногда просто беспринципные. В этом был глубокий трагизм в деятельности Корнилова.

⁹ В начале июля на Юго-западном фронте.

Политический облик Корнилова остался для многих неясным и теперь, три с лишним года спустя после его смерти. Вокруг этого вопроса плетутся легенды, черпающие свое обоснование в характере того окружения, которое не раз творило его именем свою волю.

На этом шатком и слишком растяжимом основании, представленном в широком диапазоне от мирного террориста через раскаявшегося трудовика до друга Иллиодора, можно выводить какие угодно узоры, с одинаковым вероятием на полное искажение истины. Монархист – республиканец. Реакционер – социалист. Бонапарт – Пожарский. «Мятежник» – народный герой. Такими противоположениями полны отзывы о покойном вожде. И, если «селянский министр» Чернов некогда в своем возмутительном воззвании объяснял планы Корнилова желанием «задушить свободу и лишить крестьян земли и воли», то митрополит Антоний в слове, посвященном памяти Корнилова, незадолго до оставления русской армией Крыма упрекнул погибшего... в «увлечении революционными идеями».

Верно одно: Корнилов не был ни социалистом, ни реакционером. Но напрасно было бы в пределах этих широких рамок искать какого либо партийного штампа. Подобно преобладающей массе офицерства и командного состава, он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам, убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии; быть может не углублял в своем сознании мотивов ее политических и социальных расхождений и не придавал большого значения тем из них, которые выходили за пределы профессиональных интересов армии.

Корнилова – правителя история не знает. Но Корнилова – Верховного главнокомандующего мы знаем. Этот Корнилов имел более чем другие военачальники смелости и мужества возвышать свой голос за растлеваемую армию и поруганное офицерство. Он мог поддерживать правительства и Львова и Керенского, независимо от сочувствия или не сочувствия направлению их политики, если бы она вольно и невольно не клонилась по его убеждению к явному разрушению страны. Он отнесся бы совершенно отрицательно в принципе, но вероятно не поднял бы оружия даже и против однородного социалистического правительства, если бы такое появилось у власти и, паче чаяния, проявило сознательное отношение к национальным интересам страны. Корнилов не желал идти «ни на какие авантюры с Романовыми», считая, что «они слишком дискредитировали себя в глазах русского народа»; но на заданный ему мною вопрос – что, если Учредительное Собрание выскажется за монархию и восстановит павшую династию? – он ответил без колебания:

– Подчинюсь и уйду.

Но Корнилов не может мириться с тем, что «будущее народа – в слабых безвольных руках», что армия разлагается, страна стремительно идет в пропасть и, «как истинный сын русского народа», в неравной борьбе без колебания и без сомнения «несет в жертву Родине самое большое, что он имеет – свою жизнь».¹⁰ Этой, по крайней мере, непреложной истины не могут отрицать ни друзья, ни враги его.

Официально борьба Корнилова с Керенским (точнее с триумвиратом) происходила на почве разногласия их по отношению к мероприятиям, предложенным в известной записке Корнилова.

Еще 30 июля на совещании с участием министров путей сообщения и продовольствия Корнилов высказал взгляд: «для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу – в мастерских и заводах, изготовляющую для армии фронта все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту»... «Не касаясь вопроса – какие меры необходимы для оздоровления рабочей и железнодорожной армий, предоставляя разобраться в этом вопросе специалистам», Корнилов считал, однако, что «для правиль-

¹⁰ Из – Обращения к народу 28 августа 1917 года.

ной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая устанавливается для армий фронта».¹¹

В записке, подготовленной для доклада Временному правительству, указывалось на необходимость следующих главнейших мероприятий: введения на всей территории России в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военно-революционных судов, с применением смертной казни за ряд тяжчайших преступлений, преимущественно военных; восстановления дисциплинарной власти военных начальников; введения в узкие рамки деятельности комитетов и установления их ответственности перед замком.

История прохождения этой записки весьма характерна для выяснения взаимоотношений главных действующих лиц разыгравшейся в конце августа драмы и свидетельствует о том двоедушии, которое проявил Керенский и которое сделало неизбежным окончательный разрыв между ним и верховным командованием.

3 августа Корнилов прибыл в Петроград для доклада Временному правительству своей записки и вручил ее Керенскому. Ознакомившись с запиской, Керенский выразил принципиальное согласие с указанными в ней мерами, но, совместно с Савинковым, уговорил Корнилова не представлять записки правительству, а выждать окончания аналогичной работы военного министерства для согласования с ней. Было условлено, что после этого Корнилов вновь приедет сделать доклад правительству. В своей книге¹² Керенский мотивирует этот шаг... заботами об успешном прохождении мероприятий и о самом Верховном главнокомандующем: «доклад был написан в таком тоне, что я считал невозможным предъявить его Временному правительству. Он заключал в себе ряд мер, большая часть которых была вполне приемлема; но они были так формулированы и поддержаны такими аргументами, что оглашение доклада привело бы к обратным результатам. И если доклад стал бы достоянием гласности, не возможно было бы сохранить Корнилова на посту Верховного главнокомандующего».

А 4 августа, то есть на другой день копия доклада находилась уже в редакционном портфеле советского официоза «Известия», и с 5-го началось печатание выдержек из него и одновременно широкая травля верховного командования.

На заседании 3 августа произошел инцидент, произведший глубокое впечатление на Корнилова. Детали и мотивы его все три участника (Корнилов, Керенский и Савинков) трактуют различно, но сущность его заключалась в следующем: Керенский остановил доклад Корнилова, когда последний коснулся вопроса о предназначенной наступательной операции на Юго-западном фронте, а Савинков прислал записку, выражавшую неуверенность в том, что «сообщаемые Верховным главнокомандующим государственные и союзные тайны не станут известны противнику в товарищеском порядке».¹³ Корнилов «был страшно поражен и возмущен тем, что в Совете министров Российского государства Верховный главнокомандующий не может без опаски касаться таких вопросов, о которых он в интересах обороны страны считает необходимым поставить правительство в известность».¹⁴

Корнилов уехал, унося с собою мало надежды на удовлетворение своих требований, тем более, что в ближайшие дни в советской и вообще в крайней левой печати раздалось настойчивое требование об удалении его с поста, – требование, нашедшее живой отклик и в мыслях министра-председателя, который «почти ежедневно возвращался к вопросу о сме-

¹¹ Показание следственной комиссии.

¹² «Прелюдия большевизма» (англ.). Савинков был, по его словам, против оглашения записки по мотивам необходимости расширить программу военных мероприятий – до размеров общегосударственных и внести в осуществление ее элемент осторожной последовательности.

¹³ Из бесед с Савинковым Корнилов вынес впечатленье, что предупреждение имело в виду министра земледелия Чернова.

¹⁴ Показание следственной комиссии.

щении генерала Корнилова, причем предполагалось, что Верховным главнокомандующим будет сам Керенский».¹⁵

Все эти разногласия в вопросах реорганизации армии были скрыты Керенским от Временного правительства, члены которого узнавали о них из газет, а некоторые министры либеральной группы очевидно и в военном министерстве, с которым поддерживали более тесные отношения.

Между тем, военное министерство изготовило свой доклад, который, сохранив некоторые общие положения корниловской записки, вносил существенные изменения в ее основную мысль. Они касались не только формы изложения и мотивировки – более лживых и следовательно более приемлемых для революционной демократии, но и расширяли значительно права военно-революционных учреждений и вводили весьма важные законопроекты о милитаризации железных дорог и торгово-промышленных предприятий, работающих на оборону. Общая схема взаимоотношений в армии в представлении составителя 2-ой записки, Верховного комиссара Филоненко рисовалась в таком виде: «комитеты должны выражать собою мнение армии, комиссары осуществлять в армии революционную государственную власть, а командный состав должен по-прежнему вести часть оперативную и подготовку войск».¹⁶ Впоследствии в положении о комитетах проект министерства, вопреки решительному протесту Корнилова, предусматривал даже участие комитетов в аттестовании начальников. Таким образом 2-ая записка, если и вводила суровые репрессии, то по главному вопросу – организации армии – не шла далее закрепления существующего порядка.

Не может быть однако сомнения, что вся плохо прикрытая игра между Керенским и военным министерством велась вовсе не по поводу редакции доклада или даже существенных его положений, а исключительно вокруг одного основного вопроса – о введении смертной казни в тылу. Тем более, что в бурных заседаниях солдатской и рабочей секций Совета, обыкновенно очень хорошо осведомленного о том, что делается в кругах правительства, еще 7 и 8 августа было предъявлено требование отмены смертной казни, как меры, «преследующей явно контр-революционные цели».

Корнилов отказался ехать к 10-му августа в Петроград, ссылаясь на серьезное положение фронта. Действительными причинами были опасение подвоха со стороны Керенского и сложившееся убеждение о безнадежности проведения корниловских мероприятий. Этим только и можно объяснить предложение Корнилова Савинкову «взять на себя представление доклада Временному правительству с теми изменениями, которые желательно в нем сделать по мнению управляющего военным министерством». Однако Савинков и Филоненко переубедили Корнилова, и он выехал 9-го, не зная, что вслед ему послана телеграмма министра-председателя, указывающая, что его «прибытие не представляется необходимым и что Временное правительство снимает с себя ответственность за последствия его отсутствия с фронта».

9-го августа во время серьезного объяснения Савинкова с Керенским последний говорил, что «никогда и ни при каких обстоятельствах не подпишет законопроекта о смертной казни в тылу». Савинков счел себя вынужденным просить об отставке и заявил, что «если военный министр не желает подписать докладной записки (Временному правительству), то ее подпишет Верховный главнокомандующий».¹⁷

10 августа Корнилов приехал в Петроград и в военном министерстве ознакомился с возникшим конфликтом. Сопровождавший Верховного генерал Плющевский-Плющик (редактировавший первый доклад) доложил Корнилову краткое содержание 2-ой записки

¹⁵ Савинков. – К делу Корнилова.

¹⁶ «Армия и флот» 1 августа 1917 года.

¹⁷ Савинков – К делу Корнилова.

(Филоненко), указав, что фактическая сторона ее почти целиком взята из первой, но выводы поражают прямой противоположностью.

– Генерал Корнилов не возразил ничего, – рассказывал Плющевский-Плющик – молчал и Савинков. Но за то Филоненко вертелся мелким бесом и старался убедить меня, что это только *первый шаг* и что мы его делаем в ногу. Я резко ответил, что если первый шаг мы и делаем в ногу, т. е. признаем недопустимым развал фронта, то уже со второго идем в перебой.

Корнилов был поставлен в трудное положение: подписать записку и тем признать своими некоторые еретические взгляды той части ее, которая касалась реорганизации армии, или отклонить – следовательно порвать с Савинковым, дать моральную поддержку Керенскому в их конфликте и допустить отставку Савинкова.

Решение нужно было принять немедленно, и Корнилов принял первое решение.

Керенский, под предлогом, что он не ожидал приезда Верховного, не знаком с запиской (2-ой) и не может допустить доклад Временному правительству о военных мероприятиях, не изучив его основательно, ограничил обсуждение доклада рамками триумvirата.

Странный характер имело это заседание: составитель 2-ой записки не был на него допущен; *представлял* Корнилов, не имевший нравственного основания защищать положения большей ее части; *читал* ее Плющевский-Плющик, с глубоким возмущением относившийся к ее содержанию; *слушал* триумvirат, относившийся отрицательно к записке, предубежденно к ее авторам и сводивший весь вопрос к личной политической борьбе.

На заседании было установлено, что первый, корниловский проект более приемлем, что «правительство соглашается на предложенные меры, вопрос же о их осуществлении является вопросом *темпы* правительственных мероприятий; что же касается... милитаризации железных дорог и заводов и фабрик, работающих на оборону, то до обсуждения этого вопроса, в виду его сложности и слишком резкой постановки в докладе, он подвергнется предварительному обсуждению в подлежащих специальных ведомствах».¹⁸ С последним условием Корнилов согласился. Оставил первую записку и уехал на вокзал, увезя с собою вторую. Но там на перроне его ждали уже Савинков и Филоненко и после разговора с ними, Корнилов отправил Временному правительству с вокзала вторую записку... Характерная мелочь: у Филоненки предусмотрительно нашелся для этой цели и соответствующий конверт...

Политическая арена оказалась много сложнее и много грязнее, чем поле битвы. Славного боевого генерала запутывали в ней.

Члены Временного правительства узнали о приезде Верховного только 10-го из газет, и на вопрос Ф. Кокошкина, министр-председатель обещал, что доклад состоится вечером. Но день прошел и 11-го также из газет они узнали о предстоящем оставлении своего поста Савинковым, ввиду разногласий с военным министром и невозможности провести известные военные реформы, а также с большим изумлением прочли, что Корнилов ночью отбыл в Ставку.

В этот же день Кокошкин предъявил министру-председателю ультимативное требование, чтобы правительство немедленно было ознакомлено с запиской Корнилова, угрожая в противном случае выходом в отставку всей кадетской группы (Кокошкин, Юренев, Карташев, Ольденбург). Вечером состоялось заседание, в котором Керенский прочел *первую* записку Корнилова и дал по ней весьма уклончивые объяснения. Распространение на тыл военно-революционных судов и смертной казни «подчеркивалось, как существенное разногласие, хотя тут же Керенский указывал, что он не возражает по существу, но что правительство введет эти судьи и смертную казнь тогда, когда само сочтет это нужным». В общем весь вопрос был отложен до окончания Московского государственного совещания, причем

¹⁸ Показания Корнилова следственной комиссии.

Керенский дал обещание сказать в своей речи о необходимости предложенных Корниловым мер для оздоровления армии и тыла. В части, касающейся реорганизации армии, он не исполнил обещания вовсе. По вопросу же об оздоровлении тыла Керенский произнес фразы, которые скорее звучали вызовом каким то неведомым врагам, чем свидетельствовали о принятом твердом решении: «...но пусть знает каждый, что эта мера (смертная казнь) – великое искушение, что эта мера – великое испытание. И пусть никто не осмеливается на этом пункте ставить нам какие либо безусловные требования. Мы этого не допустим. Мы говорим только: если стихийное разрушение, развал, малодушие и трусость, предательское убийство, нападение на мирных жителей, сожжение строений, грабежи – если это будет продолжаться, не смотря на наши предупреждения, то хватить сил у Временного правительства бороться так, как то окажется нужным».

Керенский на Московском совещании пытался лишить Верховного главнокомандующего слова. Когда офицер, посланный к министру почт и телеграфа Никитину, ведавшему распорядком Совещания, просил указать время для выступления Верховного главнокомандующего российских армий, Никитин позволил себе даже глумиться:

– А от какой организации будет говорить генерал Корнилов?

Корнилов настоял, однако, на своем требовании. Ограниченный в свободе выбора тем для своей речи, он, как известно, сказал кратко, в широком обобщении и не касаясь тех вопросов, которые казались Керенскому слишком острыми.

17 августа по различным соображениям, и в том числе по настойчивому представлению Корнилова, министр-председатель отклоняет отставку Савинкова и соглашается на образование междудеятельственной комиссии для разработки проекта о военно-революционных судах и смертной казни в тылу.

20 августа Керенский, по докладу Савинкова, соглашается на «объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, т. е. для борьбы с большевиками».¹⁹

Кокошкин подтверждает, что постановление о военном положении в Петрограде действительно было принято правительством, но не приводилось в осуществление. Как видно из протокола о пребывании в Ставке управляющего военным Министерством Савинкова, день объявления военного положения приурочивался к подходу к столице конного корпуса, причем все собеседники – как чины Ставки, так и Савинков, и полковник Барановский (начальник военного кабинета Керенского) пришли к заключению, что «если на почве предстоящих событий кроме выступления большевиков выступят и члены Совета, то придется действовать и против них»; причем «действия должны быть самые решительные и беспощадные»...

С какой бы стороны ни подходить к повороту, свершившемуся в мировоззрении Керенского 17 августа, он знаменовал собою полный разрыв с революционной демократией. Тем более, что 18-го после небывало бурного пленарного заседания Петроградского совета была вынесена подавляющим большинством голосов резолюция о полной отмене смертной казни; при этом резолюция эта была предложена... фракцией с. – ров., т. е. партией, к которой принадлежал Керенский.

Было ясно, что введение новых законов вызовет взрыв среди советов. Как оценивал положение Керенский, можно видеть из диалога между ним и В. Львовым, сообщенного последним.

– Негодование (против Совета) перельется через край и выразится в резне.

¹⁹ Савинков. «К делу Корнилова».

– Вот и отлично! – воскликнул Керенский, вскочив и потирая руки. – Мы скажем тогда, что не могли сдержать общественного негодования, умоем руки и снимем с себя ответственность...²⁰

Обнаружение обстоятельств этого «грехопадения» Керенского произвело впоследствии большое впечатление на советские круги, а член следственной комиссии Либер,²¹ ознакомившись с ними во время допроса Корнилова в Быхове, схватив себя руками за голову, патетически воскликнул:

– Боже мой, ведь это чистая провокация!..

Законопроект был готов 20-го, но министр-председатель раздумал и упорно отказывался подписать его. Так прошло время до 26-го, когда Керенский, после интимного разговора с Савинковым, разговора, в котором по-видимому звучала скрытая угроза, согласился представить законопроект в тот же день на обсуждение Временного правительства.

Такое постоянное резкое расхождение военного министра (Керенского) с управляющим его ведомством (Савинковым) – лицом им избранным и ему подчиненным представляется на первый взгляд малопонятным. Какие цепи связывали их? Почему Керенский, с такой изумительной легкостью свергавший Верховных, не мог расстаться с управляющим министерством? Только потому, что Савинков даже тогда, когда решительно ни на какие политические круги не опирался, импонировал ему своим террористическим прошлым. Керенский ненавидел Савинкова и боялся его. Лучше было иметь Савинкова своим строптивым подчиненным, чем явным врагом, отброшенным окончательно в тот лагерь, который укреплялся возле Ставки и начинал все больше и больше волновать Керенского. И не случайность, что Керенский так легко расстался с Савинковым 31 августа, в тот именно день, когда генерал Алексеев ехал в Ставку для окончательной ликвидации закончившегося уже выступления Верховного главнокомандующего. Заступничество Савинкова за арестованного Филоненко, игравшего двойную игру, было только предлогом.

Савинков остался среди зияющей пустоты. «Неумолимый враг диктатуры» делал затем попытки сближения с казачьими руководящими кругами, находившимися всецело на стороне Корнилова, и примирения с самим Корниловым. Современное политическое положение страны и взаимоотношение сил не давали выбора: против советов можно было бороться тогда только совместно с Корниловым.

Что касается членов правительства, то участие их в этом деле как нельзя лучше определяется разговором, имевшим место в двадцатых числах августа между Керенским и Юреневым:²²

– Когда правительство будет обсуждать законопроекты, касающиеся реорганизации армии?

– Когда они будут готовы.

– А кто же их изготавливает?

– Военный министр.

– То есть – вы. Следовательно вы можете сообщить, в каком положении дело...

– Я вам сказал, что правительство будет обсуждать законопроекты, когда они будут готовы.

– Но я слышал, что у Савинкова готов уже какой-то законопроект?

– Когда законопроекты будут готовы, они будут внесены на обсуждение Временного правительства.

²⁰ «Последние новости» 1920 года N 190. Статья Львова.

²¹ С.-д. меньшевик, видный член центрального комитета.

²² Доклад Ф. Кокошкина.

Этот диалог лучше чем самая пространная характеристика деятельности правительства дает понятие о внутреннем кризисе его – назревшем и даже перезревшем, в силу которого либеральная группа обращалась в простых статистов, призванных своим присутствием демонстрировать коалицию и прикрывать пустое место, образовавшееся в ее правом секторе. Если представители либеральной демократии, входившие в состав третьего правительства, тем не менее, шли на такую неприглядную роль, то это можно объяснить только огромным самопожертвованием, путем которого они долго и тщетно пытались склеить разбитую вдребезги храмину национального единства.

Таким образом, не находя или по крайней мере не высказывая возражений по существу по вопросу об изменении правительственного курса в сторону решительной борьбы с анархией, Керенский колебался, хитрил, то соглашался, то отказывался, старался выиграть время и все откладывал решение сакраментального вопроса, проведение которого, по его мнению, должно было оторвать массы влево и смести правительство, «сдерживающее зверя»... Образовался заколдованный круг, из которого не видно было выхода, ибо мерами правительственной кротости сдержать анархию, охватившую страну, было невозможно. Но если образ «зверя» рисовался еще только в воображении, то перед Керенским тут же рядом стояла реальная угроза в лице Совета, недвусмысленно говорившего уже об «измене революции».

Политическая и социальная борьба, раздиравшая русское государство, вступила в новый фазис, сохраняя однако прежнее соотношение и противоположение сил. Ибо если Керенский, демонстрируя независимость верховной власти, влачил за собою тяжелую цепь, приковывавшую его к советам, то за Корниловым, не взирая на отсутствие в нем интереса к чисто политическим вопросам и классовой борьбе – стояли буржуазия, либеральная демократия и то безличное студенистое человеческое море русской обывательщины, по которой больно ударили и громы самодержавия и молнии революции и которая хотела только покоя. Стояли – одни явно, другие тайно, третьи полусознательно.

Центральный комитет советов формулировал положение так: «значительные слои буржуазии, не желающие нести требуемых революцией жертв, в союзе с контрреволюционными элементами пользуются испытанными страной затруднениями, чтобы начать открытый натиск на полномочные органы революционной демократии и вести подкоп под созданное революцией Временное правительство»...²³

Совещание общественных деятелей не возражало: «...Правительство должно немедленно и решительно порвать со служением утопиям, которые оказали губительное влияние на его деятельность»... Правительство должно «решительно порвать со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов, советов и других подобных организаций»...²⁴

А безликий обыватель в бесчисленных обращениях к тому, кого он считал призванным водворить порядок, просил только поторопиться, так как «жить становится невмоготу»... «Раз Вы – избранник Божий, то Вам и надлежит принять на себя роль избавителя и спасителя... Не бойтесь – время, мудрость и опыт научат Вас всему»...²⁵

²³ Постановление 4 августа.

²⁴ Постановление 10 августа.

²⁵ Из типичного письма.

Глава III

Корниловское движение: тайные организации, офицерство, русская общественность

История противоправительственного и противосоветского движения в середине 1917 года скрыта еще под покровом тайны и вызывает иногда самые неправдоподобные представления в широких кругах русского общества. Подыдем несколько этот покров, чтобы осветить сущность одного из наиболее серьезных моментов русской революции.

После неудачи июньского наступления офицерский корпус перешел в прямую оппозицию к правительству. Но сколько-нибудь широких размеров действительное проявление оппозиции не приняло. Причины – нравственная подавленность офицерства, укоренившаяся интуитивно в офицерской среде внутренняя дисциплина и отсутствие склонности и способности к конспиративной деятельности. Работа в этом направлении, как увидим ниже, некоторыми организациями велась, но к каким либо серьезным результатам не приводила. Вряд ли вначале эти не объединенные организации имели определенные лозунги и ясные цели предстоящей им деятельности. Скорее всего работа их имела характер подготовки на всякий случай: будь то большевистское выступление, падение власти, крушение фронта, поддержка диктатуры или, наконец, для некоторых членов организаций – восстановление самодержавия. К тому же в первое время ни имя претендента на престол, ни имя диктатора произнесены не были. Один только общий лозунг выяснялся совершенно твердо и определенно – борьба с советами.

Есть основание предполагать, что возникшая по инициативе генерала Крымова на Юго-западном фронте офицерская организация, охватившая главным образом части 3 конного корпуса и Киевский гарнизон (полки гвардейской кавалерии, училища, технические школы и т. д.), имела первоначальной целью создание из Киева центра будущей военной борьбы. Генерал Крымов считал фронт конченным, и полное разложение армии – вопросом даже не месяцев, а недель. План его по-видимому заключался в том, чтобы, в случае падения фронта, идти со своим корпусом форсированными маршами к Киеву, занять этот город и, утвердившись в нем, «кликнуть клич». Все лучшее, все, не утратившее еще чувства патриотизма, должно было отозваться, и прежде всего офицерство, которое, таким образом, могло избежать опасности быть раздавленным солдатской волной. В дальнейшем возможно было продолжение европейской войны хотя и не сплошным фронтом, но сильными отборными частями, которые, и отступая вглубь страны, отвлекали бы на себя большие силы австро-германцев.

– Что касается форм верховной власти, – говорил Крымов одному из своих сотрудников, – это вопрос будущего; но лично я никакой нежности к династии не питаю.

3-й конный корпус входил в состав Юго-западного фронта. При том составе чинов высшей военной иерархии, который имел место до июля,²⁶ такой совершенно обособленный план действий, с расчетом только на себя и на свои силы, был единственно возможным. После 8-го июля, т. е. с назначением главнокомандующим Юго-западного фронта генерала Корнилова, узкие рамки всего предприятия имели шансы раздвинуться до фронтового масштаба.

Менее определенными были по-видимому задачи различных, вначале не объединенных петроградских организаций. Без серьезных средств и без руководителей, сколько-

²⁶ Главнокомандующим Юго-западным фронтом был тогда генерал Брусилов; позднее, с 22 мая – Верх. главнок. был генерал Брусилов, а главнок. армиями фронта – генерал Гутор.

нибудь выдающихся по решимости и таланту, они представляли из себя скорее кружки фрондирующих молодых людей, играющих в заговор. Эти кружки, в которые вовлекались и военные училища, были непримиримо настроены к Совету, враждебно к правительству и могли быть действительно опасны для них в случае благоприятно сложившейся обстановки или при лучшей организации и руководстве. Вряд ли будет ошибкой считать, что большое число участников петроградских организаций принадлежало к правым кругам. Но отсюда не следует, что целью их была реставрация. Они удовлетворялись свержением советов и установлением «сильной власти», не влагая в это понятие слишком конкретной сущности. Идее немедленного восстановления монархического строя и им казалась нецелесообразной для текущего этапа революции; кроме того, здесь примешивалось одно обстоятельство, про которое впоследствии глава организации «Русской государственной карты», В. Пуришкевич,²⁷ правда на суде большевистского трибунала, но не без известной искренности говорил: «Но как мог я покушаться на восстановление монархического строя – который, я глубоко верю, будет восстановлен – если у меня нет даже того лица, которое должно бы, по моему, быть монархом. Назовите это лицо. Николай II? Больной Царевич Алексей? Женщина, которую я ненавижу больше всех людей в мире? Весь трагизм моего положения, как идеолога-монархиста, в том и состоит, что я не вижу лица, которое поведет Россию к тихой пристани».

Внутри организаций с самого начала создавалась нездоровая атмосфера. Несерьезная фронда, выносившаяся некоторыми на улицу и в залы киевских и петроградских ресторанов... По-видимому свои Азефы... Такое, по крайней мере, впечатление производят некоторые эпизоды конца августа. Наконец, просто предатели. Один из них, скрытый в книге Керенского под инициалами «капитан Вин», раскрыл ему все данные о важнейшей петроградской организации...

В конце июня в Петрограде, в числе многих других, образовалась политическая группа, под названием «Республиканский центр». Состав ее был немногочисленным и чрезвычайно пестрым; политическая программа весьма растяжима, и даже само наименование группы не выражало точно существа политических взглядов ее членов, так как по словам руководителя группы «в республиканском центре разговоров о будущей структуре России не поднималось; казалось естественным, что Россия должна быть республиканской, отсюда и пошло название „Респуб. центр“». При приеме в организацию «никого не спрашивали, во что веруешь; достаточно было заявления о желании борьбы с большевизмом и о сохранении армии». Первоначально руководители Республиканского центра ставили себе целью «помощь Временному правительству, создав для него общественную поддержку путем печати, собраний и проч.»; потом, убедившись в полном бессилии правительства, приступили к борьбе с ним, участвуя в подготовке переворота. Интеллектуальные силы и влияние группы были не велики, но она имела одно большое преимущество перед всеми другими – обладала некоторыми денежными средствами. Их давала крупная денежная буржуазия – «небольшая по числу, – как определяет один из организаторов „центра“, – но очень влиятельная, довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах»; буржуазия эта «подняла тревогу (в июльские дни), когда обнаружилась слабость Временного правительства, и предложила (Респ. Центру) первую денежную помощь, чтобы уберечь Россию... от очевидной тогда для них надвигавшейся опасности большевизма». Лично представители этой банковской и торгово-промышленной знати стояли вне организации, опасаясь скомпрометировать себя в случае неудачи.

Отсутствие партийной нетерпимости, деловая программа и в особенности известные средства дали возможность «Респ. Центру» объединить много мелких, главным образом

²⁷ К выступлению Корнилова не причастен.

военных петроградских организаций.²⁸ Они вошли в состав военной секции «Респ. Центра» в лице своих представителей, причем далеко не все члены их знали, кто их возглавляет. Таким путем, к концу августа активных участников военной секции числилось до 4 тысяч человек. Сколько их было в действительности, вероятно никто не знал. Внутренняя организация этих отделов оставалась по-прежнему чрезвычайно слабой. Тем не менее, значение их сильно переоценивалось как самими участниками, так и теми, кто предполагал воспользоваться их силами.

Наконец, организующую работу вел Главный комитет офицерского союза. С первых же дней существования комитета в составе его образовался тайный активный коллектив, к которому впоследствии примкнул весь состав комитета. Не задаваясь никакими политическими программами, комитет этот поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения диктатуры – единственного средства, которое, по мнению офицерства, могло еще спасти страну. Завязывались оживленные сношения с советом Союза казачьих войск, военными организациями и политическими партиями. Хотя комитет отражал в полной мере настроение фронтового офицерства, организация последнего подвигалась крайне слабо. Кроме неприспособленности к «заговорщической» работе из офицерской среды, и самого комитета, на ходе ее отразились неблагоприятно быстрый темп, которым развивались события, и ряд внешних препятствий. Керенский, встречая гласное и резкое осуждение своей военной политики в резолюциях комитета, относился к нему враждебно и установил за ним надзор; Брусилов, тогда Верховный главнокомандующий, смотрел на деятельность комитета также с большим неодобрением. Пригласив однажды к себе всех членов комитета, Брусилов обратился к ним с резкими упреками за то, что комитет «своими выступлениями мешает делу спасения армии, что нельзя переть напролом, когда правительство и Керенский стали на верный (?) путь». Он говорил так, но видимо чувствовал всю неприглядность своей позиции. И когда один из членов комитета заявил: «раз мы приносим вред, то нас следует попросту разогнать», – Брусилов со слезами на глазах стал жаловаться, что офицерство больше не идет за ним и что ни ему, ни Керенскому не верят...

Наконец, самое серьезное мероприятие, задуманное комитетов – формирование добровольческих ударных батальонов в дивизиях и на железнодорожных узлах – было вырвано из его рук. Брусилов утвердил своим приказом проект «товарища Манакина²⁹ о формировании ударных частей, при участии... советов...» Таким образом, когда настало время действовать, комитет имел в своем моральном активе широкое сочувствие всего офицерства, а в реальном – только добрую волю своих членов.

Страна искала *имя*.

Первоначально неясные надежды, не обремененные еще ни в какие конкретные формы, как среди офицерства, так и среди либеральной демократии, в частности к. д. партии, соединялись с именем генерала Алексева. Это был еще период упований на возможность законопреемственного обновления власти. Ибо трудно себе представить лицо, менее подходящее по Характеру, чем ген. Алексеев, для выполнения насильственного переворота.

Позднее, может быть и одновременно, многими организациями делались определенные предложения адмиралу Колчаку во время пребывания его в Петрограде. В частности «Республиканский центр» находился в то время в сношениях с адмиралом, который принципиально не отказывался от возможности стать во главе движения. По словам Новосильцева, которому об этом говорил лично адмирал, доверительные разговоры на эту тему вел с ним

²⁸ Одно из коллективных обращений к генералу Корнилову (31 июля) исходило от 10 организаций: 1. Военная лига. 2. Союз георгиевских кавалеров. 3. Союз воинского долга. 4. Союз Честь Родины. 5. Союз добровольцев народной обороны. 6. Добровольческая дивизия. 7. Батальон свободы. 8. Союз спасения Родины. 9. Общество 1914 года. 10. Республиканский центр. Кроме того существовали организации полковые, районные и т. д.

²⁹ Подполковник генерального штаба.

и лидер к. д. партии. Вскоре, однако, адмирал Колчак по невыясненным причинам покинул Петроград, уехал в Америку и временно устранился от политической деятельности.

Но когда генерал Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим, все искания прекратились. Страна – одни с надеждой, другие с враждебной подозрительностью – назвала имя диктатора.

В дни Московского совещания в вагоне Верховного произошел знаменательный разговор между ним и генералом Алексеевым:

– Михаил Васильевич, придется опираться на Офицерский союз – дело ваш их рук. Становитесь вы во главе, если думаете, что так будет лучше.

– Нет, Лавр Георгиевич. Вам, будучи Верховным, это сделать легче.

Началось паломничество в губернаторский дом в Могилеве. Пришли в числе других представители Офицерского союза, во главе с Новосильцевым и принесли Корнилову свое желание работать для спасения армии. Появились делегаты казачьего Совета и Союза георгиевских кавалеров. Приехал из Петрограда представитель «Республиканского центра», обещал поддержку влиятельных кругов, стоящих за группой, и предоставил в распоряжение Корнилова военные силы петроградских организаций. Прислал гонца в комитет Офицерского союза и генерал Крымов с запросом «будет ли что-нибудь», и в зависимости от этого – принимать ли ему 11 армию, предложенную мною, или оставаться во главе 3-го корпуса, который по его словам «пойдет куда угодно»... Ему ответили просьбой оставаться во главе корпуса.

Таковы были *реальные средства* в руках тех, кто хотел перестроить тонувшую в дебрях внутренних противоречий верховную власть, чтобы спасти страну от большевизма.

Но в пределах этих ничтожных технических средств всякая активная и тем более насильственная борьба была заранее обречена на неуспех, если она не имела широкого общественного обоснования. На кого же опирался генерал Корнилов?

Теперь, когда идет безудержная переоценка ценностей, когда «тактические соображения» и «интересы целесообразности» окончательно вытеснили из политического обихода «старые предрассудки морального свойства» – у многих изменился взгляд на своевременность и необходимость корниловского выступления. При этом упускается из виду одно обстоятельство – *неизбежность этого явления*, как естественного и непредотвратимого рефлекса борющегося со смертью государственного организма, напрягающего последние силы национального, морального и правового самосознания; неизбежность, в силу которой отпадают обе предпосылки, и вопрос сводится, следовательно, лишь к оценке тех форм и тех способов, которыми мог быть наилучшим образом разрублен мертвый узел, завязанный вокруг власти. Во всяком случае, тогда Корнилов мог иметь полную уверенность, что он опирается на широкий общественные силы, включающие в свой состав, как я уже упоминал, либеральную демократию и буржуазию, весь офицерский корпус, командный состав и даже членов Временного правительства.

Многочисленные официальные обращения к Корнилову не оставляли сомнения в своем положительном значении.

Когда на Московском совещании вся правая половина русской общественности с высоким подъемом приветствовала Верховного главнокомандующего, она без сомнения видела в нем орудие судьбы и своего избранника.

Когда совещание общественных деятелей в постановлении своем от 10 августа говорило о том, что правительство ведет страну к гибели, что должна быть восстановлена власть командного состава, что необходимо решительно порвать с советами – оно повторяло «корниловскую программу». В воззвании прозвучал даже призыв «из сердца России... к низинным людям» – подобно тому, как 300 лет назад их предки пришли к Москве спасать Родину

– и теперь «не выдавать своих героев и вернуть России возможность стать счастливой и великой»³⁰ ...

Наконец, совсем уж недвусмысленна была телеграмма, посланная Корнилову 9 августа за подписью Родзянко: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя Русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв Вашего авторитета в армии и России считает преступными и присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казаков.³¹ В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой. Да поможет Вам Бог в вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России».

В Москве, в день приезда на государственное совещание Корнилов был встречен овациями. Офицеры понесли его на руках к автомобилю. Родичев на вокзале в своем горячем обращении к Корнилову говорил:

– Вы теперь символ нашего единства. На вере в вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что во главе обновленной русской армии вы поведете Русь к торжеству над врагом и что клич – да здравствует генерал Корнилов! – теперь клич надежды – сделается возгласом народного торжества.

И закончил:

– Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас... Морозова упала перед ним на колени... Не удивительно, что люди чувствовали иногда некоторые угрызения совести. В. Маклаков говорил Новосильцеву:

– Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем, а особенно М. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...

Таковы были внешние, официальные отношения общественных кругов к Верховному главнокомандующему. Несколько иначе обстояло дело в конспиративной области деловых сношений. 8 или 9 августа в Москву к находившемуся там Новосильцеву приехал из Ставки капитан Роженко и попросил его собрать общественных деятелей, чтобы поставить их в известность относительно назревавших событий.³² На квартире видного кадетского лидера состоялось собрание влиятельных членов Думы и политических деятелей. Роженко доложил об общем положении армии, о трениях между генералом Корниловым и Керенским, о возможности смещения Корнилова с поста Верховного, чему он решил не подчиниться из патриотических побуждений; говорил о предстоящем восстании большевиков и о подходе к Петрограду конного корпуса, которому предстоит ликвидировать большевиков, советы и, может быть, выступить против правительства. Доклад своею легкостью произвел на всех тягостное впечатление. Один из участников собрания так описывает этот эпизод.

– Обсуждать тут же этот доклад увлекающегося офицера не хотели. Было ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верить в успех, да и связывать себя и политический группы, которых представляли участники собрания, ни у кого не было желания.

Через несколько дней, однако, взволновавшее всех сообщение обсуждалось вновь в более широком кругу либеральных и консервативных политических деятелей.

«После долгих объяснений – говорит один из них – П. Н. Милюков от лица общественных деятелей кадетского направления сделал заявление о том, что они сердечно сочувствуют намерениям Ставки остановить разруху и разогнать совдеп. Но настроение общественных масс таково, что они никакой помощи оказать не могут. Массы будут против них, если они

³⁰ «Керенский по доводу этого воззвания возмущенно говорил Кокошкину, что Милюков вновь организует прогрессивный блок против Временного правительства, как против Николая II».

³¹ От офицерского союза, союза георгиевских кавалеров и казачьего совета были посланы правительству резкие телеграммы о несменяемости Корнилова.

³² Новосильцев до сих пор предполагает, что инициатива командировки Роженко исходила не от Корнилова, а от «политического окружения».

активно выступают против правительства и совдепа. Поэтому на Милюкова и его единомышленников рассчитывать нельзя. К этому заявлению стыдливо присоединились путем молчания и знаком молчаливого согласия остальные общественники».

Не более благоприятной оказалась информация об отношении к назревавшим событиям Государственной Думы, как учреждения. Председатель ее говорил о бессилии Думы в деле борьбы, но, вместе с тем, и о возможности гальванизировать ее и привлечь к организации власти в случае успеха.

Что касается более широких интеллигентских кругов, то осведомленность их один московский деятель определяет такими словами:

«Слухи, не шли дальше того, что Корнилов что то замышляет против Советов, что около Корнилова собрались какие-то более чем странные люди, которые, Бог весть, как попали к нему. Иногда доходили слухи, что в Ставку таинственно выехал такой-то, что скоро предстоит более широкое совещание по поводу действий громадной важности. Но все было покрыто тайной и молчанием. Это молчание понимали и не хотели нарушать его».

Таковы объективные факты, показательные для общественного настроения, создававшегося вокруг корниловского движения. Это настроение можно определить кратко:

Сочувствие, но не содействие.

В какой мере правильно информировали генерала Корнилова о «деловых сношениях» с ответственными политическими группами, сказать трудно. Весьма показательным, однако, является разговор его с князем Г. Трубецким, посетившим генерала, когда он находился уже под стражей в могилевской гостинице.

– Передайте, чтобы ни один кадет не входил в состав правительства – сказал Корнилов.

Человеку политики и собраний пришлось долго уговаривать человека меча и боевого поля, что для предъявления подобного требования нужно иметь совершенно конкретные обязательства со стороны кадетской партии...

Да и само субъективное восприятие сложной политической обстановки людьми, не искушенными в этих вопросах, приводило иногда к разительным противоречиям. Представители офицерского союза еще летом устанавливали связь с некоторыми политическими группами и делились с ними своими предположениями. Вот какие впечатления они вынесли. Один – человек чисто военный – пишет: «русские общественные круги, в частности кадеты обещали нам свою полную поддержку. Мы были у Милюкова и Рябушинского. И та, и другая группы обещали поддержку у союзников, в правительстве, печати и деньгами»... Другой – причастный к политической деятельности – о тех же эпизодах говорит:

«московская группа шла нам навстречу; петроградская нас избегала. У Рябушинского отнеслись более внимательно. Но, тем не менее, мы должны были сделать один вывод: мы – одни».

Но, кроме проявления официальных и деловых отношений, сумма впечатлений, утверждавших Верховного главнокомандующего в его намерениях, слагалась и другим путем: множество личных разговоров, из которых одни известны, другие станут достоянием гласности, третьи унесены с собою в могилу собеседниками, – разговоров, веденных с ответственными представителями общественных и политических групп или от их имени – создавало иллюзию широкого, если не народного, то общественного движения, увлекавшего Корнилова роковым образом в центр его. Генерал Алексеев имел несомненно право писать Милюкову:³³ «дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь (?) широких кругов нашей интеллигенции, для которой слишком тяжелы были страдания Родины».

³³ 12 сентября 1917 года.

В прочем даже и революционная демократия в душе должна была ясно сознавать почвенность и истинные мотивы корниловского движения и иногда имела смелость говорить о них в печати. В меньшевистской «Рабочей газете» Цедербаума (Мартова) 3-го сентября 1917 года мы находим следующие мысли: революция вначале была всенародной. Потом «один слой буржуазии за другим отходили от революции... начинали с ней борьбу. Но этот отход буржуазии не случился бы так быстро и не имел бы таких опасных последствий, если бы революционная демократия проявила больше революционного творчества в деле организации обороны страны, установления в тылу и в армии революционного порядка, разрешения продовольственного кризиса, борьбы с хозяйственной разрухой. Разочарование в революции и возбуждение против рабочих и солдат не охватили бы таких широких кругов населения, если бы безответственная агитация не толкала рабочие и солдатские массы на путь опасных авантюр».

Революционная демократия понимала и ждала со страхом, либеральная демократия знала и ждала с надеждой.

Впоследствии Корнилов горько упрекал представителей русской общественности за их, более чем пассивную роль в августовские дни. Когда же однажды положение быховских узников, в виду готовившегося самосуда, стало весьма опасным, Корнилов, считая себя ответственным за судьбу тех, которые пошли за ним, послал некоторым видным деятелям ультимативное требование принять немедленно меры общественного воздействия на правительство.

В таком деликатном вопросе редко оставляются документальные следы, но и они найдутся с течением времени. Во всяком случае, не подлежит сомнению одно: если многие представители нового прогрессивного блока, каким явилось по существу «совещание общественных деятелей», и не были посвящены во времена и сроки, то, во всяком случае, сочувствовали идее диктатуры, именно корниловской, одни догадывались, другие знали о надвигающихся событиях.

Глава IV

Идеология корниловского движения. Подготовка выступления. «Политическое окружение». «Трехсторонний заговор»

Корниловское «дело», «выступление», «заговор», «мятеж» – вот в каких терминах определялись трагические события конца августа, связанные с именем Корнилова. Обстановка, однако, по природе своей была несравненно сложнее и, захватывая широкие круги русской общественности, не может быть втиснута в узкие рамки таких определений. Гораздо правильнее назвать эти события – *корниловским* движением, оставляя за актом, имевшим место 27–31 августа название корниловского выступления.

Итак, по личному твердому и искреннему убеждению и под влиянием общественного мнения³⁴ Корнилов видел в *диктатуре* единственный выход из положения, созданного духовной и политической протрацией власти. Формы диктатуры определялись весьма разнообразно не в силу личного честолюбия или двуличия, в чем тщится обвинить Корнилова Керенский, а исключительно как мучительное искание наилучшего и наиболее безболезненного разрешения кризиса власти. Мы знаем, что 19 июля Корнилов при назначении своем на пост Верховного требовал от правительства признания за ним ответственности «только перед собственной совестью и всем народом», устанавливая какую то оригинальную схему суверенного военного командования. 30 или 31 июля в разговоре со мной он упоминал о полной мощи Верховного главнокомандующего, но несколько расширенной правами по умиротворению взбаламученной народной стихии. Позднее в беседах с целым рядом лиц, так или иначе причастных к движению, выдвигаются самые разнообразные формы «сильной власти», как то пересоздание на национальных началах кабинета Керенского, перемена главы правительства, введение Верховного главнокомандующего в состав правительства, совмещение званий министра председателя и Верховного, директория и, наконец, единоличная диктатура.

Нет сомнения, что и сам Корнилов, и в особенности ближайшее его окружение склонялись к этой последней форме правления. Но лично Корнилов в своем сознании не ставил диктатуру самоцелью, придавая огромное значение факту законной преемственности. В силу этого окончательное решение вопроса ставилось в полную зависимость от хода событий: будет достигнуто соглашение с Керенским и изменение курса государственной политики – тогда возможно устройство власти в порядке сговора, возможны и коллективные формы ее; не будет достигнуто соглашение, и, следовательно, исчезнуть всякий надежды на спасение страны, – предстояло насильственное устранение представителей верховной власти и в результате потрясения рисовалась одна перспектива – личной диктатуры. При этом возможность крушения власти далеко не обуславливалась одним лишь корниловским движением: оно могло наступить стихийно и непредотвратимо в любой момент, как результат одного из непрекращавшихся внутренних кризисов правительства, большевистского ли восстания или нового наступления австро-германцев, грозившего смести фронт и в его бешеном потоке затопить и правительство.

Все эти перспективы были равно возможны, роковым образом приближались и требовали принятия героических мер для их предотвращения. Попытки Корнилова привлечь с собой на этот путь Керенского оставались пока безрезультатными. Поэтому Верховный

³⁴ Правые смотрели на Корнилова только как на орудие судьбы, и на дело его как на переходный этап к другому строю.

главнокомандующий считал себя вынужденным принять некоторые предварительные меры, применение которых могло быть определено лишь историческим ходом событий.

Нет сомнения, что переброска войск на Северный фронт, их дислокация, создание Петроградской армии и ее усиление – вызывались безусловно стратегической необходимостью; но, конечно, выбор войск соответствовал и другой цели – создания благоприятных условий на случай крушения центральной власти.

Таким же подсобным средством считались офицерские организации.

В виду полной ненадежности петроградского гарнизона, столичные организации представлялись полезным орудием как для вооруженной борьбы против большевистского восстания, так и на случай падения власти или окончательного уклонения ее на путь, predetermined соотношением сил в советах, в которых большевистские течения получали явное преобладание.

К 13-му августа в Могилев прибыл командир 3-го конного корпуса, генерал Крымов и в своих руках сосредоточил как непосредственное руководство войсками, прибывающими в петроградский район, так и общее направление деятельностью организаций. Большой патриот, смелый, решительный, не останавливавшийся перед огромным риском, разочарованный в людях еще со времени подготовки мартовского переворота,³⁵ не любивший делиться своими планами с окружающими и рассчитывавший преимущественно на свои собственные силы, он внес известные индивидуальные особенности во все направление последующей конспиративной деятельности, исходившей из Могилева. Его непоколебимым убеждением было полное отрицание возможности достигнуть благоприятных результатов путем сговора с Керенским и его единомышленниками. В их искренность и в возможность их «обращения» он совершенно не верил; все последующие события подтвердили правильность его точки зрения.

По-видимому, политическая сторона вопроса Крымова, как и Корнилова, не слишком интересовала. Если раньше, когда верховное восглавление находилось в руках оппортуниста – Брусилова, Крымов делал попытку организовать вокруг себя военный центр в Киевском округе, то теперь, подчиняясь широким общественным настроениям, единодушно называвшим имя Корнилова, он предоставил себя в полное его распоряжение. Крымов добровольно стал орудием, «мечом» корниловского движения; но орудием сознательным, быть может направлявшим иногда... руку, его поднявшую. «Меч» хотел разить, утратив веру в целебность напрасных словопрений, и, исходя из взгляда, что страна подходит к роковому пределу и что поэтому приемлемо всякое, самое рискованное средство... «Рука» разделяла всецело эти взгляды, но, придавленная огромной тяжестью нравственной ответственности перед страной и армией, несколько колебалась. Только это побуждений сдерживало Корнилова, потому что о себе, о своей голове, он не раздумывал ни одной минуты.

Корнилов переживал тяжелые дни. Вспомним конкретные факты.

31 июля Корнилов совершенно спокойно и уверенно говорил со мной о будущих перспективах, не предвещая насильственного кризиса и рассчитывая на благополучный исход разговоров с «ними».

3-го августа едет в Петроград предъявить свою докладную записку о реорганизации армии и борьбе с разрухой и испытывает жестокое разочарование.

8-го августа отказывается вести дальнейшие переговоры о «записке», считая их бесполезными.

10-го августа, по настоянию Савинкова и Филоненко, вновь прибывает в Петроград и вновь совершенно напрасно.

³⁵ Конец 1916 и начало 1917 года. Крымов был вызван своими единомышленниками с фронта в Петроград к 1-му марта, но петроградское восстание изменило ход событий.

14-го августа в день возвращения с Московского совещания по-видимому окончательно определяется невозможность идти вместе с Керенским, и генерал Крымов, вполне удовлетворенный течением событий, говорит начальнику одной из офицерских организаций:

– Все идет хорошо. Решили не иметь больше дела с «ними»...

24-го августа Савинков прибывает в Ставку, знакомит Верховного с проектами законов, вытекающих из Корниловской «записки», еще не подписанных, но прохождение которых в правительстве якобы обеспечено; сообщает о решении Керенского объявить Петроград и его окрестности на военном положении; просит от имени правительства, ввиду возможных осложнений, к концу августа подтянуть к Петрограду 3-ий конный корпус...

Это обстоятельство, знаменующее выход правительства, в частности Керенского, на путь предуказанный Корниловым, вызывает несомненно искренний ответ Корнилова:

– Я готов всемерно поддержать Керенского, если это нужно для блага отечества.

А в те же дни с Крымовым, не верившим совершенно ни Керенскому, ни Савинкову, происходит резкая перемена. Он ходит расстроенный, бледный, задумчивый, все еще не едет к корпусу, живет на вокзале в Могилеве. В доверительном разговоре с одним из своих соучастников он высказывает глубоко пессимистический взгляд:

– Конечно, надо идти до конца. Я отдаю делу свою голову. Но 90 процентов за неудачу. Мне необходимо ехать к корпусу, но я боюсь, что, когда я оставлю Могилев, здесь начнут творить несообразное...

Между тем, подготовка «выступления», ни время, ни формы которого не представлялись еще достаточно ясными, продолжалась.

Ставка, как орган управления – в ней не участвовала. Несколько лиц из состава Ставки были посвящены в истинный смысл принимаемых мер, все другие продолжали свою нормальную служебную деятельность, быть может только догадываясь о назревающих событиях и вполне сочувствуя предполагаемым замыслам Корнилова. Стратегическая подготовка велась при участии 1-го генерал-квартирмейстера, генерала И. П. Романовского, с которым связывали Корнилова добрые отношения еще по краткой совместной службе в 8-ой армии, и который имел личные доклады у него по этим вопросам. Начальник штаба Верховного, генерал Лукомский не был посвящен в то, что делалось за кулисами. Как человек умный и хорошо разбиравшийся в явной и скрытой обстановке Ставки, он несомненно отдавал себе ясный отчет о всем происходящем. Нервничал, но до поры до времени молчал. Тем более, что возник вопрос о перемещении его на должность командующего одной из армий. Но когда обстановка назрела в такой степени, что долее занимать нейтральную позицию было невозможно, Лукомский в середине августа переговорил по этому поводу с Романовским и затем поставил Корнилову вопрос о доверии. Беседа окончилась приобщением Лукомского к делу.

Подтягивались к пунктам сосредоточения и войска.

Очевидно, количеству их в Ставке не придавали большого значения, тем более, что элемент времени не давал возможности солидной организации. Чуть не на походе начиналось развертывание весьма слабой Осетинской бригады и формирование Туземного корпуса; во главе вновь учреждаемой Петроградской армии становился генерал Крымов, а командование имевшим решительное значение 3-м конным корпусом поручалось незнакомому с частями ген. Краснову, который не успел и прибыть к началу движения. Войска расползлись по широким квартирам и эшелонировались на огромном протяжении железных дорог вне всякого морального воздействия старшего командного состава. Еще 5-го августа командир Корниловского ударного полка, капитан Неженцев в продолжительном докладе убеждал своего шефа развернуть эту надежную добровольческую часть в дивизию. Корнилов тогда отказал, и полк на общих основаниях был включен в одну из дивизий 7 армии. Этот полк,

оправдавший впоследствии вполне доверие Верховного, только 21 августа получил приказание двигаться на Северный фронт.

Наконец возможно было использовать для Петрограда Кубанскую бригаду стоявшую между Выборгом и Петроградом и для Москвы донскую дивизию, направляемую с Дона в Финляндию.

Когда в середине августа части с Юго-западного фронта двинулись в район Псков – Луга – Дно, перед ними невольно должна была возникнуть мысль о возможности применения их сил и для разрешения вопросов внутренней политики. Как учитывали они положение видно из хроники Корниловского полка:³⁶ «истинная цель переброски не была известна; известен был лишь конечный пункт маршрута местечко Усве, на берегу Балтийского моря. Но общее мнение было, что идем на Петроград». И далее: «полк выступил к походу в приподнятом, великолепном состоянии духа... Мы знали, что должен был через некоторый промежуток времени состояться государственный переворот;³⁷ (?) но по нашим сведениям он должен был заключаться в уничтожении власти Петроградского совдепа и в установлении или директории или диктатуры, но с согласия и с участием Керенского, что при тогдашних условиях гарантировало полный успех переворота».

Несомненно офицерская среда в конечном итоге была готова на все. Но в толще войск настроение оказалось иное: 3-ий конный корпус, Кавказская Туземная дивизия, быть может и много еще других частей были тогда вполне способны идти с Корниловым против большевиков и против советов, но в отношении Временного правительства они сохраняли еще «нейтралитет»: ни за него, ни против него идти не хотели. Один только Корниловский ударный полк и Текинский, не взирая на весьма неопределенную позицию, занятую его командиром, могли безотговорочно следовать за Корниловым...

Так же на спех, несерьезно готовились офицерские организации.

В начале августа для объединения военной секции «Республиканского центра» был командирован член комитета офицерского союза, полковник С., который получил в свои руки все дело финансирования и полную свободу действий, без вмешательства комитета «Респ. центра». В половине августа при посредстве членов офицерского союза началась тайная переброска офицеров из армии в Петроград; одни направлялись туда непосредственно – по двум конспиративным адресам, другие через Ставку, имея официальным назначением обучение бомбометанию. Вследствие крайне легкомысленной организации дела, эти офицеры попали в весьма двусмысленное и тяжелое положение. Тогда же на секретном заседании в Могилеве под председательством Крымова выяснялся вопрос о вооруженном занятии Петрограда, составлялся план и распределялись роли между участниками. Полковник С. уверенно заявил, что у него решительно все готово... Киевской организации было указано по частям перебрасываться в Петроград, куда должны были собираться и могилевские «бомбометчики». По отношению ко всем им С. также успокоил совещание. Впоследствии оказалось, что для приезжих не было ни указаний, ни квартир, ни достаточных средств, и вся организация понемногу распылялась и расстраивалась.

Позднее в Петрограде руководители организации устраивали непрестанные заседания, но так как местом для них, в видах вящей конспирации, избирались обыкновенно наиболее посещаемые рестораны (Аквариум, Вилла Родэ), то эти заседания мало-помалу утрачивали деловой характер, обращаясь в товарищеские пирушки.

³⁶ Составлена кн. Ухтомским.

³⁷ Интересно это представление строевого офицерства – власти совета, как о государственно-правом состоянии и о свержении этой – власти, как о – государственном перевороте.

К тому же, еще на могилевском заседании руководителей прозвучало резким диссонансом заявление одного из видных участников, что сердце его к делу не лежит, в успех он не верит и потому просит освободить его от всяких обязанностей...

Таким образом, вся техническая подготовка носила характер крайне несерьезный. Лишь опыт подавления предыдущих восстаний мог оправдать подобное легкомыслие. Опыт, доказавший, что с трусливой, распропагандированной толпой, которую представлял из себя Петроградский гарнизон и с неорганизованным городским пролетариатом может справиться очень небольшая дисциплинированная и понимающая ясно свои задачи часть. Правда, кроме Петрограда была ведь еще *страна*... Но удар по столице не мог не отозваться в положительном смысле в самых отдаленных углах государства...

Как бы то ни было, тетива натягивалась все сильнее, и стрела готова была вылететь. Направление ее во многом зависело от того курса государственной политики, который примет Временное правительство. Я говорю так потому, что не только военная среда, но и лица, стоявшие во главе войск и организаций, плохо разбирались в политической конъюнктуре, и личную политику Керенского отождествляли с правительственной. При этом все колебания Керенского, все причудливые зигзаги его в области государственного управления, его метания между Корниловым и советами – в простом преломлении военного мышления получали форму весьма элементарную: – С большевиками или против большевиков.

Наиболее странным и необъяснимым является то влияние, которое имели на ход событий окружавшие Корнилова политические деятели, в лице Завойко, Филоненко, Аладьина, за кулисами Добрынского и т. д. К ним примыкал полковник Голицын. Кроме Филоненко, перечисленных лиц я знаю. Появление всех их вокруг Корнилова внесло элемент некоторого авантюризма и несерьезности, отражавшихся на всем движении, связанном с его именем. Один из членов Временного правительства говорил мне, что когда 27-го на заседании правительства был прочитан корниловский список министров, с именами Филоненки, Аладьина и Завойка, то даже у лиц, искренне расположенных к Корнилову, опустились руки... Стоит прочесть повествование В. Львова, изображающее сцены и разговоры за кулисами корниловского выступления; и если даже одну половину отнести на долю своеобразного восприятия автора, то другая в достаточной степени рисует хлестаковщину и легкомыслие «политического окружения».

Я уже говорил, что Корнилов плохо разбирался в людях. Но это не все. Однажды, впоследствии на мой вопрос по поводу бывшего своего окружения, он ответил:

– У меня никого не было. Этих людей я знал очень мало. Но они по крайней мере хотели и не боялись работать.

И при этом расценивали свою работу не меньше как министерскими портфелями. С большою легкостью Филоненко брал на себя внешние сношения русского государства и только после решительного протеста генерала Лукомского соглашался на портфель внутренних дел. Без колебаний Завойко принимал бремя русских финансов и т. д.

У Корнилова действительно никого не было. Все те общественные и политические деятели, которые, если не вдохновляли то, во всяком случае, всецело стояли на его стороне, предпочитали оставаться в тени, в ожидании результатов борьбы. Что касается Савинкова, то Корнилов никогда в точности не знал, кому Савинков собирается «воткнуть нож в спину» – ему или Керенскому.

Как же определялась политическая физиономия предполагавшейся новой власти? За отсутствием политической программы, мы можем судить только по косвенным данным в составленном предположительно списке министров, кроме указанных выше лиц, упоминались Керенский, Савинков, Аргунов, Плеханов; с другой стороны – генерал Алексеев, адмирал Колчак, Тахтамышев, Третьяков, Покровский, гр. Игнатьев, кн. Львов. По свидетельству кн. Г. Трубецкого, этот кабинет должен был, по словам Корнилова, «осуществлять строго

демократическую программу, закрепляя народные свободы, и поставить во главу угла решение земельного вопроса». А включение в кабинет Керенского и Савинкова должно было служить для демократии гарантией, что меры правительственного принуждения не перейдут известных границ и что «демократия не лишается своих любимых вождей и наиболее ценных завоеваний». К 29 августа приглашены были в Ставку на совещание по вопросу о конструкции власти Родзянко, кн. Львов, Милуков, В. Маклаков, Рябушинский, Н. Львов, Сироткин, Третьяков, Тесленко и др. Полагаю, что весь этот перечень, указывая на некоторое перемещение «равнодействующей» вправо, не представлял еще ничего угрожающего для завоеваний революции. Тем более, что, выйдя из узкой и душной атмосферы конспирации на широкую всероссийскую арену, Корнилов несомненно изменил бы характер своего окружения.

Наконец, если даже говорить о сторонних чисто политических влияниях, то приведенные ниже строки из частного письма главного советчика Завойко, адресованного Корнилову в Быхов, и не предназначавшегося для посторонних, могут дать некоторое понятие о характере этого влияния. В письме, датированном 15 октября, дается современная политическая ориентировка:

«В настоящее время общественные настроения слева направо рисуются мне в следующем виде: обе крайние (левая и правая) слились воедино и беснуются, а 20-го и позднее ожидаются выступления; лозунги, выкинутые на это число совершенно смешались; явственнее других слышится „долой Керенского“, „долой Временное правительство“, „Бей жидов“, „Вся власть советам“ и т. д. – одним словом черносотенцы и большевики идут вместе – это несомненно; левые трепещут и теряют позиции; Временное правительство дрожит и само в себе не уверено, заискивает у всех и на все стороны раскланивается; кадеты подняли головы и мнят себя „спасителями“; правые совсем возгордились и с каждым днем прут все настойчивее и определеннее. Между тем, линия поведения, единственно ведущая к победе – это средняя – здоровая и истинная демократия».

Правда, направление средней линии и те источники, которые должны питать новую власть из этой политической шарады совершенно не ясны, но, во всяком случае, в ней нет уклонения в сторону мракобесия и реакции.

О подготовительных мерах, предпринимаемых кругами, близкими к Ставке, знали и Керенский, и Савинков. Быть может не все, без деталей, но знали, в особенности Керенский – этого он не скрывает. Держа в своих руках нити организации уже в конце июля, он в течение августа месяца имел возможность прекратить их деятельность путем разрушения их руководящих органов и остановки движения частей на Северный фронт, если считал его опасным. Но лично для него эти меры имели бы смысл лишь в двух случаях: если бы он решительно повернул от Корнилова к советам или имел в руках прямое доказательство связи Верховного с конспиративными кругами, подозреваемыми в организации переворота. Ни того, ни другого не было. Результатом явилась та недостойная игра, которая велась с правительством, Ставкой и военным министерством – этот «танец среди мечей», из которых каждый при неосторожном прикосновении мог нанести стране смертельную рану.

Если события, предшествовавшие корниловскому выступлению, определять по терминологии Керенского словом *заговор*, то на протяжении августа месяца в чрезвычайно сложной и переплетающейся обстановке внутренней политики таких «заговоров» история отметить несколько.³⁸ Корнилов (с Крымовым), Керенский и Савинков – против власти большевистских советов – в те дни, когда министр-председатель решился принять корниловские законопроекты и недвусмысленное назначение 3 конного корпуса и тем вступил на путь открытой борьбы не только с большевизмом, но и с прикрывающими его советами. Корнилов

³⁸ Обобщаю течения именами главных участников.

(с Крымовым) и Савинков – против Керенского, когда последний колебался и брал обратно свои обещания. Наконец, Корнилов и Крымов против советов и Керенского, когда не было никакой надежды на соглашение. В этой последней комбинации не находилось места Савинкову, которому плохо верил Корнилов и вовсе не верил Крымов. Только поэтому Савинков и оказался на противоположном берегу.

Во всех этих перепитиях сложной борьбы оставался совершенно в стороне источник всероссийской верховной власти – Временное правительство. От имени его говорили или имя его поносили главные персонажи разыгравшейся исторической драмы в тех лишь случаях, когда торжественность обстановки, юридическая терминология или стилистическая форма того требовали.

Глава V

Провокация Керенского: миссия В. Львова, объявление стране о «мятеже» Верховного главнокомандующего

И так, к концу августа Керенский все еще не решался – идти ли с Корниловым против советов или с советами против Корнилова; Савинков взвешивал все возможности для себя от неизбежного конфликта; Корнилов, твердо решив вопрос о необходимости изменения конструкции власти, колебался еще в выборе методов его осуществления. Лишь один Крымов не сомневался и не колебался, считая, что вести с «ними» переговоры или ждать выступления большевиков не следует и что только силою оружия можно разрубить завязавшийся узел.

Обстоятельства, непосредственно вызвавшие корниловское выступление, изложены в книгах Керенского, Савинкова, В. Львова и во многих свидетельских показаниях, сделавшихся достоянием гласности. К сожалению, эти источники, за исключением непосредственного по своей наивной простоте рассказа В. Львова, носят отпечаток «следственного производства» и лишены поэтому надлежащей объективности. Неполнота в области фактов и аргументации присуща и показанию Корнилова. Зная хорошо его характер, я убежден, что это обстоятельство вызывалось соображениями чисто объективными: Корнилов мог сказать стране всю правду и не постеснялся бы сделать это с полной прямоотой и искренностью, если бы... эта правда своими последствиями угрожала только ему лично, а не сотням людей, доверивших ему свою судьбу.

Попытаюсь разобраться в этом материале, внеся его оценку то понимание, которое создалось на основании личного общения со многими важнейшими участниками событий и очертив лишь главнейшие этапы корниловского выступления.

Поводом к развязке событий послужило несомненно роковое вмешательство в них б. члена правительства В. Львова – человека, которому В. Набоков дал следующую характеристику: «он был одушевлен самыми лучшими намерениями... поражал своей наивностью да еще каким то невероятно легкомысленным отношением... к общему положению... Он выступал всегда с большим жаром и одушевлением и вызывал неизменно самое веселое настроение не только в среде правительства, но даже у чинов канцелярии»... Попав в общество г. г. Аладьина и Добрынского, с их трагикомической конспирацией, инсценировавшей важность участия их в назревающем перевороте, Львов проникся страхом и воспылал желанием спасти положение, приняв *от них*³⁹ поручение переговорить с Керенским. Эти переговоры должны были привести к примирению между Корниловым и Керенским, к предоставлению полной мощи над всей вооруженной силой страны Верховному главнокомандующему и к созданию нового правительства на национальной основе.

22 августа между Керенским и Львовым произошел разговор, содержание которого установить трудно, так как он велся без свидетелей, а передача его обоими собеседниками совершенно не согласована. Поэтому я приведу выдержки из их показаний по важнейшим вопросам в параллельном изложении.

Керенский (Из следственного дела. «Прелюдия большевизма». Англ. изд.)

1. «Я не помню подробностей разговора, но суть его сводилась к следующему»...

³⁹ Корнилов узнал об этом только впоследствии.

Львов («Последние Новости» 1920 г. N 190.)

1. (Львов передает разговор с большими деталями).

Керенский

2. «Он (Львов) продолжал повторять „мы можем сделать то или другое“... Я спросил его – кто „мы“ и от чьего имени он говорит.

– Я не имею права сказать вам. Я только уполномочен спросить, согласны ли вы войти в переговоры».

Львов

2. «– Я пришел по поручению.

– От кого? – Живо спросил Керенский.

– От кого, я не имею права сказать. Но доверьтесь мне, что раз я пришел, значит дело важное».

Керенский

3. «Львов пытался доказать мне, что я не имею поддержки».

Львов

3. «– Скажите, пожалуйста, на кого вы опираетесь?... У вас Петроградский совет уже состоит из большевиков и постановляет против вас.

– Мы его игнорируем – воскликнул Керенский.

– С другой стороны, продолжал я, негодование на совет растет... (оно) переливается через край и выразится в резне.

– Вот и отлично! – воскликнул Керенский, вскочив и потирая руки. – Мы скажем тогда, что не могли сдержать общественного негодования, умоем руки и снимем с себя ответственность.

– (Но) первая кровь прольется ваша...

Керенский побледнел.

– Что же вы хотите, чтобы я сделал?

– Порвите с советом.

– Вы хотите, чтобы я был изменником?

– Нет... Я желаю, чтобы вы подумали о России, а не о революции».

Керенский

4. «Он выразительно добавил:

– Я уполномочен спросить вас, хотите ли вы включить в правительство новые элементы и обсуждать этот вопрос?

Я ответил:

– Перед тем как дать ответ, я должен знать, с кем я имею дело. Кто те, кого вы представляете и чего они желают?

– Они общественные деятели.

– Бывают разного сорта общественные деятели... Хорошо, допустим, я не имею поддержки. Какими же реальными силами вы располагаете?

Он возразил, что я введен в заблуждение, что они опираются на серьезные силы, которых нельзя игнорировать».

Львов

4. – Кто же это вы? Союз георгиевских кавалеров? – саркастически улыбнулся Керенский.

– Это во первых конституционно – демократическая партия. Во вторых это торговопромышленники, в третьих это казачество, в четвертых – полковые части, наконец союз офицеров и многие другие.

– Что же вы хотите, чтобы я сделал?

– Протяните руку тем, которых вы от себя отталкиваете... Включите (в правительство) представителей правее кадет, с другой стороны пусть в нем будут социалисты-государственники, а не исключительно представители Совета.

– Ну все же нельзя обойтись без представителей Совета, – сказал Керенский.

– Я не спорю, пусть так».

Керенский

5. «Конечно, я не дал ему никаких инструкций, никаких полномочий. Я считаю, что он, говоря от моего имени в Ставке так, как он это сделал, допустил „превышение полномочий“. Это несомненно, так как ничего подобного я ему не говорил... Львов не окончил разговора. Он спросил:

– Вступите ли вы в переговоры, если я вам скажу. (От кого прислан)?

– Скажите более определенно, что вы желаете слышать от меня и для чего.

Он ответил:

– До свиданья! И ушел».

Львов

5. «Керенский был тронут.

– Хорошо, – сказал он. Я согласен уйти. Но поймите же, что я не могу бросить власть; я должен передать ее с рук на руки.

– Так дайте мне поручение, сказал я, войти в переговоры от вашего имени со всеми теми элементами, которые я сочту необходимым.

– Я даю вам это поручение, – сказал Керенский. – Только прошу вас все держать в секрете.

И крепко пожаль мне руку».

Предоставляя читателям разобраться в этих противоречиях, я не могу, однако, не указать, что диалог, изображенный на левой половине листа, в особенности в заключительной части своей, представляется чрезвычайно странным. Ясно чувствуется, что *так нелепо закончиться он не мог*. Хотя Керенский в своем показании усиленно подчеркивает, что разговору со Львовым он не придал никакого значения, но тут же рядом неоднократно заявляет, что вопрос – от чьего имени сделано было предложение и та таинственность, которой облек его Львов, в связи с имевшимися у премьера ранее сведениями о заговоре, «произвела большое впечатление»... Что касается меня, я убежден в правильности версии Львова и считаю, что в этот день, если не свершилось грехопадение Керенского перед лицом революционной демократии, то развернулась окончательно нить «великой провокации».

Львов, пройдя опять через все сомнительное чистилище корниловского окружения, попадает 24-го в Верховному. Их разговор, веденный в этот день и на следующий, в противоположность предыдущему, в сущности своей является совершенно установленными.

Керенский (Показание следственной комиссии)

1. «Войдя ко мне в кабинет Львов сразу заявил мне:

– Я от Керенского».

Львов («Последние Новости» 1920 г. N 192)

1. – Я от Керенского. – Глаза Корнилова сверкнули недобрым огнем».

Керенский

2. В. Н. Львов заявил мне от имени Керенского, что если по моему мнению дальнейшее участие последнего в управлении страной не даст власти необходимой силы и твердости, то Керенский готов выйти из состава правительства. Если Керенский может рассчитывать на поддержку, то он готов продолжать работу.

Львов

2. – Я имею сделать вам предложение. Напрасно думают, что Керенский дорожит властью. Он готов уйти в отставку, если вам мешает. Но власть должна быть законно передана с рук на руки. Власть не может ни валяться, ни быть захваченной. Керенский идет на реорганизацию в части в том смысле, чтобы привлечь в правительство все общественные элементы. Вот вам мое предложение – это есть соглашение с Керенским».

Керенский

3. «Я очертил общее положение страны и армии, заявил что по моему глубокому убеждению единственным выходом из тяжелого положения является установление военной диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении.

Львов

3. – Передайте Керенскому, что... дальше медлить нельзя... Необходимо, чтобы Петроград был введен в сферу военных действий и подчинен военным законам, а все тыловые и фронтовые части подчинены Верховному главнокомандующему... В виду грозной опасности, угрожающей России, я не вижу иного выхода, как немедленная передача власти Верховным правительством в руки Верховного главнокомандующего.

Я перебил Корнилова:

– Передача одной военной власти или также гражданской?

– И военной, и гражданской.

– Быть может лучше просто совмещение должности Верховного главнокомандующего с должностью председателя совета министров? – вставил я.

– Пожалуй, можно и по вашей схеме... Конечно все это (только) до Учредительного Собрания.

Керенский

4. «Я заявил, что не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские Полномочия – будь то сам Керенский⁴⁰, ген. Алексеев, ген. Каледин или другое лицо. Львов заявил, что не исключается возможность такого решения, что в виду тяжелого положения страны, Временное правительство, в его нынешнем составе, само придет к сознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит мне обязанности диктатора. Я заявил, что если бы так случилось, ...я от такого предложения не отказался бы».

Львов

⁴⁰ Единственная фраза во всем показании, которая не подтверждается В. Львовым.

4. *«Корнилов продолжал:*

– Кто будет Верховным главнокомандующим, меня не касается, лишь бы власть ему была передана Временным правительством.

Я сказал Корнилову:

– Раз дело идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам».

Керенский

5. *«Я просил Львова передать Керенскому, что, независимо от моих взглядов на его свойства, его характер и его отношения ко мне, я считаю участие в управлении страной самого Керенского и Савинкова безусловно необходимым».*

Львов

5. *«– Я не верю больше Керенскому... и Савинкову я не верю... Впрочем, – продолжал Корнилов – я могу предложить Савинкову портфель военного министра, а Керенскому портфель министра юстиции»...*

Керенский

6. *«Я просил передать Керенскому, что по имеющимся у меня сведениям в Петрограде в ближайшие дни готовится выступление большевиков и на Керенского готовится покушение; поэтому я прошу Керенского приехать в Ставку, чтобы договориться с ним окончательно. Я просил передать ему, что честным словом гарантирую его полную безопасность в Ставке».*

Львов

6. *«– Затем – продолжал он – предупредите Керенского и Савинкова, что я за их жизнь нигде не ручаюсь, а потому пусть они приедут в Ставку, где я их личную безопасность возьму под свою охрану».*

Таким образом, предложения Корнилова ультимативного требования не носили, тем более, что вопрос о личности диктатора в случае возможности сговора, оставлялся открытым. На другой день уже, 26-го, Корнилов в беседе с Филоненко, Завойко и Аладьиным допускает возможность коллективной диктатуры, в виде Совета народной обороны, с участием Верховного главнокомандующего в качестве председателя.

Корнилов не имел ни малейшего основания не верить Львову. Он знал, что Львов пользуется репутацией человека – не серьезного, путаника, но честного. Сущность же всего разговора была настолько определена, что не допускала невольного искажения его передачи. Наконец, Львов был ведь недавно *министром* в правительстве Керенского!

Перед Корниловым в первый раз встали реальные перспективы мирного, легального разрешения вопроса о реорганизации власти, по крайней мере, в первой стадии его, так как в дальнейшем несомненно предстояла решительная и жестокая борьба с советами.

Первый, самый важный вопрос был близок к разрешению, и это обстоятельство меняло весь характер борьбы, ставя ее в легальные рамки.

После разговора с Корниловым Львов опять попал в «чистилище». Оглушенный всей этой хлестаковщиной корниловского «политического окружения», всеми «тысячью курьеров», он совершенно потерял масштаб в оценке веса, значения и роли своих собеседников. Добрынский,⁴¹ могущий «по первому сигналу выставить до 40 тысяч горцев и направить их куда пожелает» – Аладьин, якобы посылающий корниловскую телеграмму Донскому

⁴¹ Добрынский до декабря не был представлен ген. Корнилову.

атаману Каледину с приказом начать движение на Москву и от имени Верховного и офицерского союза требующий, чтобы ни один министерский пост не замещался без ведома Ставки... Завойко, назначающий министров и «собирающийся созвать Земский собор». Профессор Яковлев, разрешающий каким-то неслыханным способом аграрную проблему...

Вернулся Львов в Петроград, окончательно сбитый с толку в той атмосфере беспардонной фронды и кричащей о себе и своих тайнах на каждом шагу «конспирации», которая окружала Ставку. И привез целый ряд «государственных актов», составленных и врученных ему Завойко: проект манифеста к армии от имени Корнилова, принимавшего на себя верховную власть; проект воззвания к солдатам по поводу дарования им земельных наделов – аграрная программа Яковлева, если верить Львову, сильно напоминавшая демагогический проект большевистского генерала Сытина;⁴² список министров нового кабинета, тут же наскоро набросанный Завойко при благосклонном участии самого Львова,⁴³ словесное внушение Завойко, развивавшая по своему указания Корнилова, – предъявить правительству три пункта: 1) «немедленная передача правительством военной и гражданской власти в руки Верховного главнокомандующего 2) немедленная отставка всех членов Временного правительства и 3) объявление Петрограда на военном положении». Наконец, вернулся Львов с твердым убеждением, основанным на всем слышанном, что Корнилов желает спасти Керенского, но что в Ставке вынесли Керенскому «смертный приговор». Это последнее обстоятельство по-видимому окончательно нарушило душевное равновесие Львова и отразилось на всем характере второго разговора его с Керенским и в значительной мере повлияло на решение последнего. Маленькая житейская подробность, вероятно небезыңтересная для бывшего премьера, который в своей книге не раз останавливается на грозившей ему смертельной опасности, очень туманно касаясь источников ее: 26-го для него в Могилеве, в губернаторском доме, приготовили комнату рядом со спальней Корнилова, выселив для этой цели одного из членов его семьи... Верховный не играл своим словом.

26-го августа Львов – у Керенского и передает ему результаты своих переговоров в Ставке. Посоветовав Керенскому не ехать в Ставку, Львов предъявил ему те предложения, которые были формулированы Завойко. «Когда я услышал все эти нелепости – показывает Керенский – мне показалось, что он (Львов) болен или случилось действительно что-то очень серьезное... Те, кто были возле меня, могут засвидетельствовать, как сильно я был расстроен... Успокоившись несколько, я умышленно уверил Львова, что больше не имею ни сомнений, ни колебаний и решил согласиться. Я стал объяснять Львову, что я не могу представить Временному правительству такое сообщение без доказательств... Под конец я попросил его изложить письменно все корниловские предложения».

Львов написал:

«I) Объявить в Петрограде военное положение.

2) Вся военная и гражданская власть должна быть передана в руки Верховного главнокомандующего.

3) Все министры, не исключая премьера должны подать в отставку. Временно исполнительная власть должна быть передана товарищам министров впредь до формирования правительства Верховным главнокомандующим».

В. Львов Петроград 26-го августа.

«Было необходимо – говорит Керенский – доказать немедленно формальную связь между Львовым и Корниловым настолько ясно, чтобы Временное правительство было в

⁴² См. главу IX Т. I.

⁴³ Предположительный список министров составлялся в кабинете Корнилова на следующий день, 26-го, при участии его, Филоненко, Завойко и Аладына. По свидетельству г. Н-го, Завойко впоследствии, на совещании в Ставке, оправдываясь перед Корниловым, отрицал факт передачи им (Завойко) списка министров В. Львову.

состоянии принять решительные меры в тот же вечер... заставив Львова повторить в присутствии третьего лица весь его разговор со мной».

Для этой цели был приглашен помощник начальника милиции Булавинский, которого Керенский спрятал за занавеской в своем кабинете во время второго посещения его Львовым. Булавинский свидетельствует, что записка была прочтена Львову и последний подтвердил содержание ее, а на вопрос, «каковы были причины и мотивы, которые заставили генерала Корнилова требовать, чтобы Керенский и Савинков приехали в Ставку», он не дал ответа.

Львов категорически отрицает версию Керенского. Он говорит: «*Никакого ультимативного требования Корнилов мне не предъявлял. У нас была простая беседа, во время которой обсуждались разные пожелания в смысле усиления власти. Эти пожелания я и высказал Керенскому. Никакого ультимативного требования (ему) я не предъявлял и не мог предъявить, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанную мною бумагу, как он, Керенский, вырвал ее у меня и положил в карман*».

Теперь уже все государственные вопросы отошли на задний план. Глава правительства в наиболее критический момент для государства перестает взвешивать его интересы и, будучи во власти одной болезненно-навязчивой идеи, стремится лишь всеми силами к отысканию неопровержимых улик против «мятежного» Верховного. Перед нами проходит ряд сцен, в которых развернулись приемы сыска и провокации: эпизоды с запиской Львова и с Булавинским, и наконец, разговор Керенского совместно с Вырубовым по аппарату с Корниловым от имени премьера и... отсутствующего Львова. Больше всего Керенский боится, чтобы ответ Корнилова по самому существенному вопросу – о характере его предложений – не внес каких либо неожиданных изменений в толкование «ультиматума», которое он старался дать предложению Корнилова в глазах страны и правительства. Думский и политический деятель, правитель волею революции и юрист по профессии не мог не *сознательно* облечь в такие умышленно темные формы главное существо вопроса:

– Просим подтвердить, что Керенский, может действовать, согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем (Львовым).

– Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк сделанный мною В. Н-чу, с *просьбой доложить вам*, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

– Я, Владимир Николаевич(?), вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично; без этого подтверждения лично от вас А. Ф. колеблется мне вполне доверять.

– Да, подтверждаю, что я *просил вас передать А. Ф-чу мою настойчивую просьбу* приехать в *Могилев*.

– Я, А. Ф., понимаю ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне В. Н. Сегодня этого сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

– Настоятельно прошу, чтобы Б. В. приехал вместе с вами... Очень прошу не откладывать вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас.

– Приезжать ли только в случае выступления, о котором идут слухи, или во всяком случае?

– Во всяком случае.

Этот разговор обличает в полной мере нравственную физиономию Керенского, необычайную неосмотрительность Корнилова и сомнительную роль «благородного свидетеля» Вырубова.

Только в этот день поздно вечером, 26 августа, поехал к своим войскам Крымов, которому были даны Верховным две задачи: 1) «В случае получения от меня или непосредственно на месте (сведений) о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнули к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать советы; 2) По окончании исполнения этой задачи генерал Крымов должен был выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и по прибытии туда потребовать от Кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк».⁴⁴

Этот документ, которому Керенский придает такое уличающее значение в квалификации корниловского выступления «мятежом», по существу вытекал непосредственно из всей создавшейся обстановки: войска Крымова по требованию правительства шли к Петрограду; ожидавшееся большевистское выступление неизбежно втягивало в себя советы, так как почти половина состава Петроградского совета была большевистской; так же неизбежно было, безотносительно даже от чисто большевистского восстания, выступление революционной демократии в лице советов в тот день, когда объявлены были бы первые меры «правительственной твердости». Наконец, самый сдвиг правительства от Совета к Ставке, который после Львовской миссии и последнего телеграфного разговора считался вопросом ближайших одного – двух дней, должен был произвести оглушительный взрыв в недрах советов... Что же касается ликвидации Кронштадтского мятежного гнезда, то согласие на нее было дано министром-председателем еще 8-го августа.

Утроить 27-го Ставка была поражена неожиданной новостью: получена была телеграмма, передающая личное распоряжение Керенского, в силу которого Корнилов должен был немедленно сдать должность Лукомскому и выехать в Петроград...

Стремление «охранять завоевания революции», нерешительность, обман и провокация – можно называть какими угодно именами те действия и бездействию, которые проявлены были министром-председателем, но сущность их не подлежит никакому сомнению: они были лишены государственной целесообразности и предвидения. Керенский с большим удовлетворением повторяет «образное выражение» Некрасова, что «благодаря приезду Львова, стало возможным взорвать приготовленную мину на два дня раньше срока». Но это «образное выражение» значительно теряет свое радостное содержание, если вспомнить, что мину взорвали в теле Родины и что можно было, не взрывая, просто потушить фитиль, ставь на прямую открытую дорогу, не угрожавшую завоеваниям революции, и даже в начале не причинявшую большого ущерба политической карьере премьера.

Керенский дает сбивчивые показания о порядке разрешения вопроса об удалении с поста Корнилова, утверждая, что мера эта была принята Временным правительством в заседании 26 августа. Никаких письменных следов такого постановления нет; бурное заседание это, окончившееся в 5 часов утра, обсуждало главным образом требование Керенского о предоставлении ему чрезвычайных (диктаторских) полномочий и хотя и выяснило принципиальное согласие почти всех министров вручить председателю свою отставку, но к окончательным решениям не привело. По крайней мере, по свидетельству Кокошкина, на другой день, 27-го, на 11 часов утра было назначаю новое заседание «для оформления – как заявил Некрасов – всех принятых решений». Но заседание не состоялось. Члены правительства собрались только 28-го на *частное* заседание, которое явилось последним, так как Керенский действовал уже самостоятельно, считая себя воспривывшим единолично верховную власть. «Временное правительство» – этот фетиш, который так крикливо и лицемерно оберегался Керенским от притязай Корнилова, «дерзнувшего предъявить Временному правительству требование передать ему власть», было им распущено и отстранено от участия в госу-

⁴⁴ Из показания Корнилова следственной комиссии.

дарственном управлении. «Дерзать», следовательно, можно было только Керенскому. Тем не менее, среди правительства и советских кругов царила полная растерянность. В Смольном происходили день и ночь тревожные заседания и принимались необычайные меры изолирования здания и самообороны. Еще 28-го новый диктатор в частном заседании бывшего правительства определял положение почти безнадежным: крымские войска шли на Петроград, и испуганному воображению диктатора уже рисовалось приближение страшных кавказских всадников «Дикой дивизии»... Усиливалось и политическое одиночество премьера: большинство бывших членов правительства высказалось за мирную ликвидацию Корниловского выступления и образования директории с участием генерала Алексеева, с совмещением им должности Верховного; а кадеты, поддержанные извне Милюковым, настаивали даже на том, чтобы Керенский покинул правительство, передав власть генералу Алексееву. В этом назначении они видели не только перемену правительственной политики, но и наилучший способ бескровной ликвидации корниловского выступления, так как не было сомнений, что Корнилов подчинится тогда Алексееву.

В то же время ряд лиц, в том числе генерал Алексеев, Милюков, президиум казачьего Совета и другие вели настойчивые переговоры с Керенским о примирении его со Ставкой. Даже вдохновитель Керенского г. Некрасов, сыгравший такую печальную Голь в поспешном оповещении страны о «мятеже» Корнилова,⁴⁵ по свидетельству Кишкина, в этот день, «лежа в изнеможении на кушетке» на вопрос Керенского ответил:

– Я нахожу, что без того или иного участия генерала Алексеева в составе правительства нельзя разрешить кризиса.

Керенский не хотел слышать ни об оставлении власти, ни о примирении с «мятежным генералом».

– Оставшись один, – заявил он, – я уйду к «ним».

И ушел в соседнюю комнату, где его ожидали Церетелли и Гоц.

В окончательном итоге судьбы движения решили «они», т. е. советы.

27-го августа Керенский поведал стране о восстании Верховного главнокомандующего, причем сообщение министра-председателя начиналось следующей фразой: «26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы В. Н. Львова с требованием передачи Временным правительством всей полноты военной и гражданской власти, с тем, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной».

В дальнейшем Керенский, триумвират Савинков, Авксентьев и Скобелев, петроградская дума с А. А. Исаевым и Шрейдером во главе и советы лихорадочно начали принимать меры к приостановке движения войск Крымова и, вместе с тем, целым рядом воззваний, обращенных к народу, армии, комитетам, железнодорожникам, местным комиссарам, советам и т. д. стремились опорочить движение и вызвать ненависть против его главы. Во всех этих воззваниях не было правдивого, фактического и юридического обоснования, – они отражали лишь более или менее холерический темперамент составителей. «Мятеж», «измена родине и революции», «обнажение фронта» – вот главные мотивы. Но постыднее всех было воззвание Чернова от имени исполнительного комитета Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Оно начиналось обращением к «крестьянам в серых солдатских шинелях» и приглашало их «запомнить проклятое имя человека», который хотел «задушить свободу, лишить вас (крестьян) земли и воли!» Участник Циммервальда, член редакционного комитета газеты «На чужбине», состоявшей на службе у германского генерального штаба, пролил слезу и над участью «родной земли», страдающей от «опустошения, огня,

⁴⁵ Инициатива, редакция и даже подпись фамилии Керенского на телеграмме с обращением к народу о мятеже главнокомандующего приписываются Некрасову. Следственная комиссия так и не добила подлинника телеграммы.

меча чужеземных императоров», – земли, от защиты которой отвлекаются «мятежником» войска.

А в то же время новый петроградский генерал-губернатор, Б. Савинков, собирал революционные войска для непосредственной обороны Петрограда – занятие тем более трудное, что петроградский гарнизон отнюдь не имел желания отдавать свою жизнь за Временное правительство, а юнкерские караулы в Зимнем Дворе же, по свидетельству того же Савинкова, приходилось сменять по несколько раз в ночь из опасения «измены». В организации военной обороны, за отсутствием доверия к командному составу, принимали деятельное участие такие специалисты военного дела, как Филоненко и... Чернов, причем последний «объезжал фронт и высказывал неожиданные (стратегические) соображения»...⁴⁶

Между прочим, в какой-то газете или информации промелькнуло совершенно нелепое сведение об участии генерала Алексеева совместно с Савинковым в тактической разработке плана обороны подступов к столице против корниловских войск. Не взирая на всю вздорность этого слуха, Корнилов склонен был верить ему и однажды в Быхове, передавая мне этот эпизод, сказал:

– Я никогда не забуду этого.

С большим трудом мне удавалось рассеять его предубеждение.

Должен заметить, что какие то влияния все время усиленно работали над созданием недружелюбных отношений между генералами Алексеевым и Корниловым; искажались факты, передавались не раз вымышленные злые и обидные отзывы, долетавшие извне даже до Быхова. Кому то нужно было внести элемент раздора в ту среду, которую не разъедало политическое разномыслие.

В последние дни августа Петроград представлял из себя развороченный муравейник. И не взирая на громкие, возбуждающие призывы своих вождей, – призывы, скрывавшие неуверенность в собственных силах, революционная демократия столицы переживала дни смертельной тревоги. Приближение к Петрограду «ингушей» заслонило на время все прочие страсти, мысли и интересы. А некоторые представители верховной власти торопливо запасались уже заграничными паспортами...

⁴⁶ Из письма в газету Филоненко.

Глава VI

Выступление генерала Корнилова. Ставка, военноподчиненные, союзные представители, русская общественность, организации, войска генерала Крымова – в дни выступления. Смерть генерала Крымова. Переговоры о ликвидации выступления

Если в Петрограде положение было крайне неопределенным, то еще больший хаос царил в противном лагере.

Керенский приказал вступить в верховное командование последовательно начальнику штаба Верховного, генералу Лукомскому,⁴⁷ затем главнокомандующему Северным фронтом генералу Клембовскому. Оба отказались: первый – бросив обвинение Керенскому в провокации, второй – «не чувствуя в себе ни достаточно сил, ни достаточно умения для предстоящей тяжелой работы»... Генерал Корнилов, придя к убеждению, что «правительство снова подпало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь (его) программы оздоровления армии, решило устранить (его), как главного инициатора указанных мер,⁴⁸ – решил не подчиниться и должности не сдавать».

27-го в Ставку начали поступать петроградские воззвания, и Корнилов, глубоко оскорбленный их внешней формой и внутренней неправдой, ответил со своей стороны рядом горячих воззваний к народу, армии, казакам. В них, описывая исторический ход событий, свои намерения и «великую провокацию»,⁴⁹ он клялся довести страну до Учредительного собрания. Воззвания, искусственные по стилю,⁵⁰ благородные и патриотические по содержанию, остались гласом вопиющего в пустыне. «Мы» и без них всей душой сочувствовали корниловскому выступлению; «они» – шли только за «реальными посулами и подчинялись только силе». А, между тем, во всех обращениях слышалась нота душевной скорби и отчаяния, а не сознание своей силы. Кроме того, тяжело переживая события и несколько теряя равновесие, Корнилов в воззвании 27 августа неосторожно заявил, что «Временное правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри». Это неосторожное обобщение всех членов Временного правительства, которых, за исключением быть может одного, можно было обвинять в чем угодно, только не в служении немцам, произвело тягостное впечатление на лиц, знавших действительные взаимоотношения между членами правительства, и особенно на тех, кто в среде его были духовно сообщниками Корнилова.

Образ, сравнение, аналогия – в редакции Завойко выражены были словом «согласие». Без сомнения и Корнилов не придавал прямого значения этому обвинению Временного правительства, ибо 28-го он уже приглашал его в Ставку, чтобы совместно с ним выработать и

⁴⁷ См. Том I, гл. XXXVI.

⁴⁸ Из показания Корнилова следственной комиссии.

⁴⁹ «Телеграмма министра-председателя... во всей своей первой части является ложью: не я послал члена Гос. Думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя.

⁵⁰ Два воззвания составлены Завойко, одно (к казакам) лично Корниловым.

образовать «такой состав правительства народной обороны, который, обеспечивая победу, вел бы народ русский к великому будущему».

28-го Керенский потребовал отмены приказа о движении 3-го конного корпуса на Петроград. Корнилов отказал и, на основании всей создавшейся обстановки придя к выводу, что «правительство окончательно подпало под влияние Совета», решил: «выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его: 1. исключить из своего состава тех министров, которые по имеющимся (у него) сведениям были явными предателями Родины; 2. перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть». Для оказания давления на правительство он решил воспользоваться войсками Крымова, которому 29 августа послано было соответствующее приказание.

И так, жребий брошен – началась открыто междоусобная война.

Мне не раз приходилось слышать упреки по адресу Корнилова, что он сам лично не стал во главе войск, шедших на Петроград и не использовал своего огромного личного обаяния, которое так вдохновляло полки на поле сражения... По-видимому и войсковые части разделяли этот взгляд. По крайней мере в хронике Корниловского ударного полка читаем: «настроение корниловцев было настолько приподнятое, что, прикажи им генерал идти с *ним* на Петроград, много было шансов, что взяли бы. Корниловцы увлекли бы за собой и других... Но почему-то генерал Корнилов, первоначально решившись, казалось, все поставить на карту, внезапно заколебался и, остановившись на пол дороге, не захотел рискнуть своим последним козырем – Корниловским и Текинским полками». Интересно, что и сам Корнилов впоследствии считал крупной своей ошибкой то обстоятельство, что он не выехал к войскам... Несомненно появление Корнилова с двумя надежными полками решило бы участь Петрограда. Но оно вряд ли было выполнимо технически: не говоря уже о том, что с выходом полков из Ставки весь драгоценный аппарат ее попал бы в руки местных советов, предстояло передвинуть могилевские эшелоны, исправляя пути, местами вероятно с боем – на протяжении 65-и верст! 26-го Корнилов ждал приезда Керенского и Савинкова; 27-го вел переговоры в надежде на мирный исход, а с вечера этого дня пути во многих местах были разобраны и бывшие впереди эшелоны Туземной дивизии и 3-го конного корпуса безнадежно застряли, разбросанные на огромном протяжении железнодорожных линий, ведущих к Петрограду. Было только две возможности: не ведя переговоров, передав временное командование генералу Лукомскому, выехать 27-го с одним эшелоном на Петроград, или позже перелететь на аэроплане в район Дуги, рискуя, впрочем, в том и другом случае вместо «своих» попасть к «чужим», так как с Крымовым всякая связь была прервана. Обе эти возможности сильно ударились в область приключений.

В Могилеве царило тревожное настроение. Ставка работала по-прежнему, и в составе ее не нашлось никого, кто бы посмел, а, может быть, кто бы хотел не исполнить приказа опального Верховного... Ближайшие помощники Верховного, генералы Лукомский и Романовский и несколько других офицеров сохраняли полное самообладание. Но в души многих закрадывались сомнение и страх. И среди малодушных начались уже панические разговоры и принимались меры к реабилитации себя на случай неуспеха. Бюрократическая Ставка по природе своей могла быть мирной фрондой, но не очагом восстания.

В гарнизоне Могилева не было полного единства: он заключал в себе до трех тысяч преданных Корнилову – корниловцев и текинцев – и до тысячи солдат Георгиевского батальона, тронутых сильно революционным угаром и уже умевших торговать даже своими голосами...⁵¹ Георгиевцы, однако, чувствуя себя в меньшинстве, сосредоточенно и угрюмо молчали; иногда, впрочем, происходили небольшие побоища на глухих городских улицах между ними и «корниловцами». И когда 28-го августа генерал Корнилов произвел смотр

⁵¹ При выборах в городскую думу.

войскам гарнизона, он был встречен могучими криками «ура» одних и злобным молчанием других. «Никогда не забыть присутствовавшим на этом историческом параде – говорится в хронике Корниловского полка – небольшой, коренастой фигуры Верховного... когда он резко и властно говорил о том, что только безумцы могут думать, что он, вышедший сам из народа, всю жизнь посвятивший служению ему, может даже в мыслях изменить народному делу. И задрожал невольно от смертельной обиды голос генерала, и задрожали сердца его корниловцев. И новое, еще более могучее... „ура“ покатилося по серым рядам солдат. А генерал стоял с поднятой рукой... словно обличая тех, кто нагло бросил ему обвинение в измене своей Родине и своему народу»...

Если бы этот могучий клик мог докатиться до тех станций, полустанков, деревень, где столпились и томились сбитые с толку, не понимавшие ничего, в том что происходит, эшелоны крымских войск!..

Город притих, смертельно испуганный всевозможными слухами, ползущими из всех углов и щелей, ожиданием междоусобных схваток и кровавых самосудов.

* * *

Старый губернаторский дом на высоком, крутом берегу Днепра, в течение полугода бывший свидетелем стольких исторических драм, хранил гробовое молчание. По мере ухудшения положения стены его странно пустели и в них водворилась какая-то жуткая, гнетущая тишина, словно в доме был покойник. Редкие доклады и много досуга. Опальный Верховный, потрясенный духовно, с воспаленными глазами и тоскою в сердце, целыми часами оставался один, переживая внутри себя свою великую драму, драму России. В редкие минуты общения с близкими, услышав робко брошенную фразу, с выражением надежды на скорый подход к столице войск Крымова, он резко обрывал:

– Бросьте, не надо.

Все понемногу рушилось. Последние надежды на возрождение армии и спасение страны исчезали. Какие еще новые факторы могли спасти положение?

Разговор по телеграфу 27 августа с Савинковым и Маклаковым не мог внушить никакого оптимизма. Из них первый в пространном и нравоучительном наставлении убеждал Корнилова «во имя несчастной родины нашей» подчиниться Временному правительству; второй – «принять все меры (чтобы) ликвидировать недоразумение без соблазна и огласки»... Было ясно, что искусственная редакция обращения Савинкова имеет целью личную реабилитацию его в глазах кругов, стоявших на стороне Керенского, оправдание тех загадочных для революционной демократии и самого Керенского связей, которые существовали между военным министерством и Ставкой. Или, как говорил сам Савинков, – «для восстановления исторической точности».

Поддержка «маршалов»?

Корнилов не *верил* в стремление к активному выступлению высшего командного состава и не считал поэтому необходимым посвящать его заблаговременно в свои намерения; если не ошибаюсь, никуда, кроме Юго-западного фронта, ориентировка не посылалась. По существу главнокомандующие и командующие не располагали ведь ни реальными силами, ни реальной властью, находясь в почетном, иногда и не в почетном плену у революционных организаций. Тем не менее, создать узлы сопротивления путем формирования послушных частей, хотя бы для удержания в своих руках – более или менее длительного – военных центров и штабных технических аппаратов, было конечно и необходимо, и возможно. Но для этого нужен был некоторый подбор главных начальников, а для всего вместе – *время*. Между тем, быстро прогрессирующий распад страны и армии, по мнению Корнилова, не давал возможности планомерной подготовки. Наконец, Корнилов считал, что в слу-

чае успеха – признание всех старших военных начальников было обеспечено, а при неуспехе – меньшее число лиц вовлекалось в дело и под ответ. Судьба, однако, распорядилась иначе, создав совершенно непредвиденную обстановку длительного конфликта, в решении которого не только материальные силы, но и моральное воздействие, требовавшее, однако, некоторого самопожертвования и риска, имело бы огромное значение.

Такой нравственной поддержки Корнилов не получил.

27-го на обращение Ставки из пяти главнокомандующих отозвалось четыре:⁵² один – «мятежным» обращением к правительству, трое – лояльными, хотя и определенно Сочувственными в отношении Корнилова. Но уже в решительные дни 28 – 29-го, когда Керенский предавался отчаянию и мучительным колебаниям, обстановка резко изменилась: один главнокомандующий сидел в тюрьме; другой (Клембовский) ушел и его заменил большевистский генерал Бонч-Бруевич, принявший немедленно ряд мер к приостановке движения крымских эшелонов; трое остальных засвидетельствовали о своем полном и безотговорочном подчинении Временному правительству в форме достаточно верноподданной. Генерал Пржевальский, донося Керенскому, счел нужным бросить укор в сторону Могилева: «я остаюсь верным Временному правительству, и считаю в данное время всякий раскол в армии и принятие ею участия в гражданской войне гибельным для отечества»... Еще более определенно высказался будущий военный министр, ставленник Керенского, полковник Верховский, объявивший в приказе по войскам Московского округа: «Бывший Верховный главнокомандующий... в то самое время, когда немцы прорываются у Риги на Петроград, снял с фронта три лучших казачьих дивизии и направил их на борьбу с правительством *и народом русским*»...

По мере того, как получались все эти сведения, настроение Ставки все более падало, а Верховный все больше уходил в себя, в свои тяжкие думы.

Поддержка союзников?

Нужно заметить, что общественное мнение союзных стран и их правительств, вначале чрезвычайно благожелательно настроенных к Керенскому, после июльского разгрома армии резко изменилось. И посланный правительством для ревизии наших заграничных дипломатических миссий Сватиков имел полное основание суммировать свои впечатления следующими словами доклада: «Союзники смотрят с тревогой на то, что творится в России. Вся западная Европа – с Корниловым, и ее пресса не перестает твердить: довольно слов, пора приступить к делу».⁵³ Еще более определенные и вполне доброжелательные отношения сохранили к Верховному иностранные военные представители. Многие из них представлялись в эти дни Корнилову, принося ему уверения в своем почитании и искренние пожелания успеха; в особенности в трогательной форме это делал британский представитель. Слова и чувства. Реально они проявились только в декларации, врученной 28 августа Терещенко Бьюкененом, в качестве старейшины дипломатического корпуса. В ней в изысканной дипломатической форме послы единодушно заявляли, что «в интересах гуманности и в желании устранить непоправимые действия они предлагают свои добрые услуги (посредников) в единственном стремлении служить интересам России и делу союзников».

Впрочем, Корнилов тогда не ждал и не искал более реальных форм интервенции.

Поддержка русской общественности?

Произошло нечто чудесное: русская общественность внезапно и бесследно сгинула.

Как я говорил уже, Милюков, быть может еще два, три видных деятеля упорно и настойчиво поддерживали в Петрограде необходимость примирения с Корниловым и коренной реорганизации Временного правительства. Кадетская группа в правительстве героиче-

⁵² Кроме главнок. Кавказским фронтом, ген. Пржевальского. См. гл. XXXVI, Т. I.

⁵³ Из секретных документов, опубликованных большевиками.

ски и беспомощно боролась за то же в самой среде его. Какое фатальное недоразумение выросло на почве ненависти к правительству в *целом* и непонимания его политических группировок, когда и этим четверем «праведникам» в общей «содомской» куче, как оказывается, угрожали большие бедствия со стороны конспиративных организаций, очевидно превышавших свои полномочия... Либеральная печать, в том числе «Речь» и «Русское слово», в первые дни в спокойных лояльных статьях так определяли элементы выступления: «преступность» способов борьбы, правильность целей ее («подчинение всей жизни страны интересам обороны») и почвенность движения, обусловленная положением страны и ошибками власти. Довольно робко говорили о примирении... Вот и все.

Исчезло и «совещание общественных деятелей», в лице оставленного им «совета». Председатель его М. Родзянко, еще три недели тому назад от имени совещания заявивший, что «всякие покушения на подрыв авторитета (Корнилова) в армии и в России считает преступным», теперь говорил:⁵⁴

– Никогда ни в какой контрреволюции я не участвовал и во главе фронды не стоял. О всех злобах дня я узнал только из газет и сам к ним не причастен. А вообще могу сказать одно: заводить сейчас междоусобия и ссоры – преступление перед Родиной.

Ab uno disce omnes!

Офицерство?

Не было никакого сомнения, что масса офицерства всецело на стороне Корнилова и с замиранием сердца следит за перипетиями борьбы, им кровно близкой; но, не привлеченное к ней заблаговременно в широком масштабе и в солидной организации, в той обстановке, в какой оно жило – офицерство могло дать лишь нравственную поддержку.

Одна надежда оставалась на вооруженную силу, каковую представляли войска Крымова и петроградские организации, которые должны были выступить одновременно с войсками. Но с Петроградом, кроме военного министерства, связи не было никакой; о Крымове и сосредоточении его частей ничего не было известно; летчик и целый ряд посланных Ставкой офицеров застревали в дороге или были перехвачены, и никто не возвращался.

Предчувствовалось что-то недоброе...

В Петрограде, как я уже говорил, царил полный развал. Казалось необыкновенно легким с ничтожными силами овладеть столицей, так как в ней не было войск, искренно преданных Временному правительству. Но не было и самоотверженных «корниловцев». Неожиданный поворот событий 27 августа привел в полную растерянность петроградскую организацию. Вновь пошли непрерывные сборища и совещания, обнаружившая только нерешительность и подавленное настроение руководителей.

Между тем, генерал Алексеев тщетно добивался благоприятного разрешения кризиса. Та растерянность, которая царила в Петрограде, и те настроения, которые преобладали среди бывших членов правительства, как будто давали надежду на образование нового правительства с участием в нем в первенствующей роли генерала Алексеева, если с его стороны будет проявлена твердость и настойчивость. Впоследствии он подвергся суровым обвинениям за то, что не сумел использовать положение и согласился стать в подчиненную роль к Керенскому. Приводимый ниже эпизод дает некоторое объяснение его решению.

29 августа ротмистр Шапрон – один из участников организации – застал его в крайне угнетенном состоянии. Старый генерал сидел в глубоком раздумье, и из глаз его текли крупные слезы. Он сказал:

– Только что был Терещенко. Уговаривают меня принять должность начальника штаба при Верховном – Керенском... Если не соглашусь, будет назначен Черемисов... Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют!.. Мне противна предсто-

⁵⁴ „Русское Слово“ 1917 г N 197.

ящая роль до глубины души, но что же делать? Неужели нельзя связаться с Крымовым и вызвать сюда хоть один полк? Ведь у вас тут есть организация... Отчего она бездействует? Найдите во что бы то ни стало С. и заставьте его приступить к действиям...

Один из крупных участников конспирации – летчик – заявил, что все летательные машины испорчены; взялся лично пробраться к Крымову на автомобиле, но скоро вернулся, объяснив, что сломалась машина. Этим, собственно, попытка связаться с конным корпусом и ограничилась. Наводит на размышление тот факт, что в те же дни по всему району «внутреннего театра» совершенно беспрепятственно проезжал комиссар Станкевич, а к крымским войскам проникали свободно всевозможные делегации.

Главного руководителя петроградской военной организации, полковника С., разыскивали долго и безуспешно. Он, как оказалось, из опасения преследования, скрылся в Финляндию, захватив с собой последние остатки денег организации, что-то около полутора тысяч рублей. Впоследствии имена нескольких участников организации я встретил в агентурных списках лиц, косвенно содействовавших большевикам или промотавших деньги конспирации. И техническая, и материальная часть дела были поставлены из рук вон плохо.

29-го Керенский отдал указ об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» генерала Корнилова и старших его сподвижников.

Ночь на 30-е послужила решительным поворотным пунктом в ходе событий: генерал Алексеев, ради спасения жизни корниловцев, решился принять на свою седую голову бесчестие – стать начальником штаба у «главоверха» Керенского. Само назначение Керенского на этот пост вносило в дело обороны страны элементы какой-то злой и глупой шутки. Об этом кратком, всего несколько дневном периоде своей жизни Алексеев говорил впоследствии всегда с глубоким волнением и скорбью.

В этот день, 30-го, Ставка потеряла в значительной мере надежду на успех. Между часом и тремя часами дня произошел исторический разговор по телеграфу между Алексеевым и Корниловым. Генерал Алексеев сообщал о принятом «после тяжелой внутренней борьбы» назначении, обуславливая его тем, чтобы «пере ход к новому управлению совершился преемственно и безболезненно» для того, чтобы «в корень расшатанный организм армии не испытал еще лишнего толчка, последствия которого могут быть роковыми»...

Минута для такого перехода очевидно уже назрела, так как еще до этого разговора была заготовлена Лукомским от имени Верховного телеграмма Временному правительству... В ней указывалось на недопустимость перерыва руководства операциями хоть на один день и на необходимость немедленного приезда в Ставку генерала Алексева, который «с одной стороны мог бы принять на себя руководство по оперативной части, с другой – явился бы лицом, могущим всесторонне осветить обстановку»... Корнилов обещал свою лояльность, под некоторыми условиями: 1. объявления о создании сильного и не подверженного влиянию безответственных организаций правительства, «которое поведет страну по пути спасения и порядка»; 2. прекращения арестов генералов и офицеров и приостановки предания суду генерала Деникина и подчиненных ему лиц; 3. прекращения в интересах армии распространения приказов и воззваний, порочащих имя Корнилова, еще не сдавшего верховного командования.

Алексеев обещал предъявить эти требования правительству – по-видимому без веры в успех, потребовать временного оставления за Корниловым оперативного руководства войсками и ускорить свое прибытие. Керенский действительно отдал приказ о выполнении армиями всех оперативных приказаний Корнилова и Ставки и даже о продолжении прерванных перевозок, за исключением... направленных к Петрограду, Москве, Могилеву и на Дон, так как – сказано было в телеграмме – «современное положение дел не требует сосредоточения войск к указанным пунктам».

Это не была еще безусловная сдача, как ошибочно поняли в Петрограде.

30-го Корнилов просил Алексева дать ему возможность переговорить по прямому проводу с Крымовым... 31-го он объявлял войскам и населению Могилева: «генерал Алексеев едет из Петрограда в Могилев для ведения со мной от имени Временного правительства переговоров... Являясь поборником свободы и порядка в стране, я остаюсь непреклонным в защите таковых и буду отстаивать их во все время ведения переговоров».

В ночь с 31-го августа на 1-ое сентября происходит весьма характерный разговор по аппарату между генералами Алексеевым (из Витебска) и Лукомским, который я приведу в подробных извлечениях:

А.: Циркулирующие сплетни и слухи окутывают нежелательным туманом положение дел, а главное вызывают некоторые распоряжения Петрограда, отдаваемые после моего отъезда отсюда и могущие иметь нежелательные последствия. Поэтому прошу ответить мне: 1. считаете ли, что я следую в Могилев с определенным служебным положением, или же только для переговоров. 2. Предполагаете ли, что с приемом мною руководства армиями дальнейший ход событий будет определяться прибывающей в Могилев вероятно 2-го сентября или вечером 1-го сентября следственной комиссией под председательством главного (военного и) морского прокурора... От этого будет зависеть мое собственное решение, так как я не могу допустить себе быть простым свидетелем тех событий, которые подготовляются распоряжениями и которых безусловно нужно избежать.

Л.: Сегодня вечером генерал Корнилов говорил мне, что он смотрит на вас, как на лицо, предназначенное на должность наштаверха, и предполагал после разговоров с вами и показав вам ряд документов, которых вы вероятно не имеете, дать вам свое окончательное решение, считая, что, быть может, ознакомившись с делом, вы несколько измените тот взгляд, который, по-видимому, у вас сложился. Во всяком случае уверяю вас, что генерал Корнилов не предполагал устраивать из Могилева форт Шаброль и в нем отсиживаться. Я убежден, что ради того, что бы не прерывать оперативной деятельности и дабы в этом отношении не произошло каких либо непоправимых несчастий, *вам не будет чиниться никаких препятствие по оперативным распоряжениям.* Вот все, что я знаю. Если этот ответ вас не удовлетворяет, я могу разбудить генерала Корнилова и дать вам дополнительный ответ. Нужно ли?

А.: Да, придется разбудить, так как всего сказанного вами недостаточно. После тяжелого размышления я вынужден был силою обстоятельств принять назначение, во избежание других решений, которые могли отразиться на армии. В решении этом я руководствовался только военной обстановкою, не принимая во внимание никаких других соображений. Но теперь возникает вопрос существенной важности: прибыть в Могилев только для оперативной деятельности, при условии, что остальная жизнь армии будет направляться другою волею, невозможно. Или придется взять все, или отказаться совершенно от появления в Могилеве. Я сказал вам, что после моего отъезда из Петрограда, отсюда идут распоряжения, идущие помимо меня, но прямо касающийся событий, которые могут разыграться в Могилеве. Поэтому явиться невольным участником столкновения двух волей, не от меня зависящих, я считаю для себя и недопустимым, и недостойным. Или с прибытием в Могилев я должен стать ответственным распорядителем по всем частям жизни и службы армии, или совсем не должен принимать должности. В этом отношении не могу допустить никакой неясности и недоговоренности, так как это может повлечь за собой непоправимые последствия. Я понимаю, что документы могут осветить мне ход событий. Думаю, что мой взгляд не идет в разрез с сутью этих документов. Но в настоящую минуту вопрос идет о практическом разрешении создавшегося положения.

Л.: Для получения мне вполне определенного ответа от генерала Корнилова на ваши вопросы было бы крайне желательно получить от вас освещение двух вещей: 1. что делается с Крымовым и 2. решено ли направить сюда что-либо для ликвидации вопроса.

А.: Я задержал сегодня свой отъезд до 10 ч. утра, что бы дожидаться приезда генерала Крымова в Петроград. Видел его и разговаривал с ним. На пути видел бригадных командиров Туземной дивизии и читал записку, присланную им от генерала Крымова. *Записка говорит об отводе Туземной дивизии в район станции Дно и о прибытии начальников дивизии и бригадных командиров в Петроград.* Сейчас в Витебске циркулируют неясные слухи, что с генералом Крымовым что-то случилось, но слухам этим я не доверяю и предполагаю, что он остался в Петрограде. Крымов говорил мне, что в 12 часов он должен был быть у Керенского. На 2-ой ваш вопрос должен сказать, что при отъезде я заявил, что беру на себя спокойно, без всяких толчков вступить в исполнение обязанностей. К глубокому сожалению на пути узнал, что непосредственно из Петрограда отдаются распоряжения, которые становятся мне известными совершенно случайно, – о направлении средств для насильственной, если нужно, ликвидации. Потому то я и высказал, что для меня и недостойно, и недопустимо пребывание при таких условиях в Могилеве. Вот причина, вследствие которой для меня необходим ясный ответ. От него будет зависеть мое решение. Но, к сожалению, я не могу сейчас повлиять на остальные распоряжения. Сознаю только глубоко, что допустить до подобной ликвидации было бы большой ошибкой.

Л.: Генерал Корнилов просит вас приехать, *как полномочного руководителя армиями.* Но вместе с этим ген. Корнилов настаивает, что бы вы приняли все меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов теперь в Могилев не вводились и к нему не подводились, ибо по настроению здешних войск произойдет кровопролитие, которое ген. Корнилов считает необходимым избежать. Со своей стороны он примет меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было. Ген. Корнилов просит вас ответить, можете ли вы ручаться, что эта его просьба, чтобы войска к Могилеву не подводились, будет исполнена?

А.: Сделаю все.

Таким образом, только утром 1-го сентября генерал Корнилов принял окончательное решение подчиниться судьбе.

Что же случилось с войсками генерала Крымова? Вновь назначенный командиром 3-го конного корпуса генерал Краснов прибыл в Могилев только 28 августа. Получив в Ставке приказание ехать через Псков и, узнав там местонахождение частей корпуса, немедленно двигаться по направлению к Петрограду, он задержался в Пскове, где и был арестован.

Приказ о движении к Петрограду войска 3-го конного корпуса и Туземной дивизии получили 27 августа. Войска эти были разбросаны на обширном пространстве между Ревелем – Валком – Псковом – Дно. Ко времени, когда окончательно остановилось железнодорожное движение, передовые части оказались далеко от Петрограда, и только одна бригада Туземной дивизии (Черкесский и Ингушский полки подч. командой князя Гагарина) дошла своими передовыми частями до станции Семрино, впереди которой и завела бескровную перестрелку с «правительственными» войсками, находившимися у Антропшина. «Правительственные войска», т. е. по преимуществу тыловые запасные батальоны, не выражали склонности к серьезному сопротивлению, нервничали и не раз уходили, бросая свои позиции от одного слуха о приближении казаков и «диких». Путаница была настолько велика, что не редко казачьи квартиреры мирно разъезжали в районе своего противника и располагали там свои части. Приказы от Крымова высшими штабами получались, но технически их распространение по эшелонам, разбросанным на сотни верст, встречало трудно преодолимые препятствия. До 29-го войска шли на Петроград официально для поддержки Временного правительства. В этот же день Крымов объявил о столкновении Керенского с Верховным и призывал оставаться послушными распоряжениям последнего, напоминая постановление казачества о недопустимости смены Корнилова. Вместе с тем, подтверждал свой приказ двигаться на Петроград, где по его сведениям «начались беспорядки». Такая неопределенная

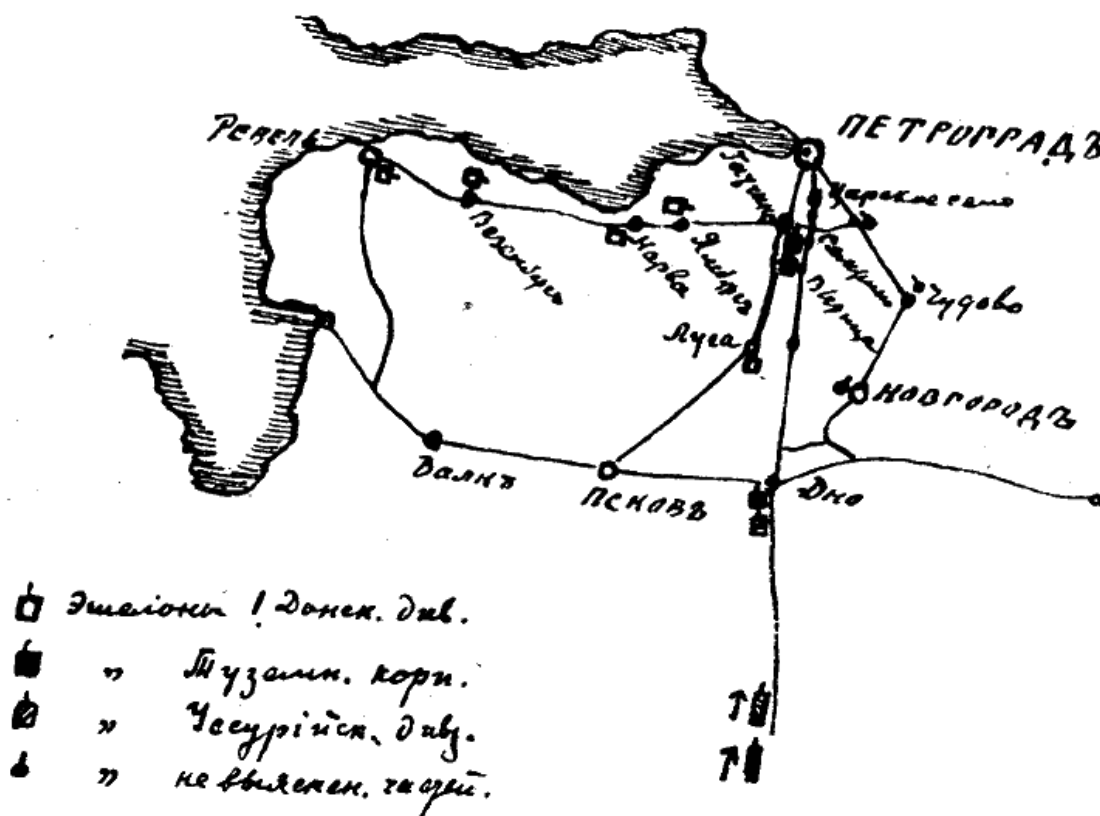
постановка цели уже ни казаков, ни солдат удовлетворить не могла. Вопрос стоял проще и определеннее:

С Временным правительством против Корнилова или с Корниловым против Временного правительства.

ЭШЕЛОНЫ ГЕН. КРЫМОВА

НА ПУТЯХ КЪ ПЕТРОГРАДУ

29.8.1917

Эшелоны ген Крымова на путях к Петрограду 29.8. 1917 г.

Весь старший командный элемент, если и не был в полном составе посвящен в планы и намерения Крымова, то конечно отдавал себе ясный отчет в том, на чью сторону стать. В отношении офицерства, которое далеко не все знало, но все понимало обстановку, разномыслия также не было. Все знали, что необходимо спешить к Петрограду. Необходимо было, следовательно, начальникам, рискуя головами, увлечь за собою части, бросить станции, где шла бешенная противокорниловская агитация, бросить свои обозы и хвосты, жертвуя сосредоточением всех сил, и идти в поле, деревнями, походом, форсированными маршами, только бы скорее дойти до столицы.

Но дерзания не было. Томление, нерешительность, беспомощность потеря времени давали печальные результаты. Тем временем работал «Викжель», задерживая повсюду «корниловские эшелоны». Новый управляющий министерством путей сообщения Ливеровский проявил необыкновенную деятельность в деле противодействия сосредоточению войск. Одновременно двинулись навстречу эшелонам множество делегаций от Керенского, Совета,

петроградской думы, мусульманского съезда, от всяких местных комитетов и т. д. Правительственные делегации имели «мандаты» на устранение и аресты начальствующих лиц. В свою очередь войсковые части послали своих делегатов в Петроград, и мало помалу накопившееся напряжение или рассасывалось в потоке революционных словопрений или срывалось насилиями над офицерами.

Керенский говорит, что корниловское движение было бескровно подавлено в самом начале только благодаря энтузиазму и единению всей страны, которая соединилась вокруг национальной демократической власти...⁵⁵ Какое пристрастие к пафосу! Ведь энтузиазма был уже похоронен на полях июньского наступления, «цветы души» растоптаны на Московском совещании, власть давно опошлена и обескровлена, и вместо яркого светоча ее тлел только фитиль еще два месяца, пока не погас в конце октября окончательно.

Нет, причины были более реальные: энергичная борьба Керенского за сохранение власти и борьба советов за самосохранение, полная несостоятельность технической подготовки корниловского выступления и инертное сопротивление массы, плохо верившей Корнилову, мало знавшей его цели или, во всяком случае, не находившей их материально ценными...

К 30-му на подступах к Петрограду у Крымова была только одна бригада кавказских всадников.

Метод, так успешно примененный в отношении Корнилова со львовской миссией, Керенский повторил и с Крымовым. Он послал в окрестности Дуги помощника начальника своего кабинета, полковника генерального штаба Самарина, к которому Крымов издавна питал большое расположение, «для выяснения положения», в действительности же, чтобы безболезненно изъять Крымова из войск. Есть основание думать, что Самарин представил Крымову положение безнадежным, подчинение Ставки окончательным и от имени Керенского заверил, что последний желает принять все меры, чтобы потушить возникшее столкновение и представить его стране в примирительном духе. Ни одному слову Керенского Крымов не верил, но Самарину поверил. И поехал в Петроград.

Ранним утром 31-го он вел долгую беседу с генералом Алексеевым в вагоне поезда, уже готового к отправлению. Никто, кроме их двух, не присутствовал в этот глубоко драматичный момент при их беседе, облеченной покровом тайны, и положившей предел корниловскому выступлению. Одно во всяком случае ясно: потерявший сердце Алексеев не мог влить твердость в мятущуюся душу Крымова.

Алексеев уехал в Могилев «для ликвидации Ставки», Крымов поехал к Керенскому. Его видели проезжавшего по городу в автомобиле – бледного, задумчивого, не замечавшего приветствовавших его знакомых. В Зимнем дворце произошел разговор его с Керенским, который последний передает в английском издании своей книги⁵⁶ в оскорбительном для памяти покойного изложении. По его словам Крымов – смелый, решительный, прямой, честный Крымов – был тих, скромен и подавлен якобы тем, что сказал неправду ему – Керенскому, прозорливо разгадавшему истинную роль Крымова. О том бурном, гневном, обличительном слове Крымова, которое вырывалось из-за стен кабинета, он молчит. В не оставляющей его мании величия, Керенский дает понять между строк английскому читателю, что на финальный выстрел не осталось без влияния и то обстоятельство, что он – Керенский не подал при прощании руки генералу Крымову... Англичанам можно рассказывать что угодно: они не знают, что Крымов всегда и открыто выражал свое глубокое презрение к Керенскому.

⁵⁵ „Прелюдия большевизма“.

⁵⁶ „Прелюдия большевизма“. Керенский припоминает» что при разговоре присутствовал помощник военного министра, полковник Якубович.

Впрочем и Керенский должен был признать посмертно «честную, сильную и храбрую натуру этого человека» и «неоспоримое право его на величайшее уважение своих политических врагов».

Крымов оказался обманутым. Уйдя от Керенского, выстрелом из револьвера он смертельно ранил себя в грудь. Через несколько часов в Николаевском военном госпитале, под площадную брань и издевательства революционной демократии, в лице госпитальных фельдшеров и прислуги, срывавшей с раненого повязки, Крымов, приходивший изредка в сознание, умер.

Но, невидимому и мертвым «политический враг» был страшен и для министра-председателя: публичные похороны были запрещены, и вдове покойного пришлось пройти через новое тяжелое испытание – просить Керенского о разрешении честного погребения. Было, наконец, разрешено похоронить покойного по христианскому обряду, но не позже шести часов утра в присутствии не более девяти человек, включая и духовенство. Вечная ему память!

4-го сентября полковник Самарин за отличие по службе был произведен в генерал-майоры и назначен командующим войсками Иркутского военного округа.

Глава VII

Ликвидация Ставки. Арест генерала Корнилова. Победа Керенского – прелюдия большевизма

«Направление средств для ликвидации Ставки», о котором говорил генерал Алексеев в своем разговоре с Лукомским, принимало угрожающий характер. Еще по пути в Могилев Алексеев узнал, что Витебский и Смоленский комитеты собирают войска для похода на Ставку. В Орше он встретил сводный отряд, набранный из войск Западного фронта, под начальством подполковника Короткова. Отряд шел по приказу Керенского, распорядившегося уже после отъезда генерала Алексеева, о «начатии решительных действий против Могилева»,⁵⁷ причем военное министерство указывало и способы действия⁵⁸... 31-го передовые части отряда находились уже на станции Лотва, последней перед Могилевым. По иронии судьбы Коротков был тот самый председатель боевой контактной комиссии фронтового комитета, который во время моего июльского наступления явился к генералу Маркову и с неподдельным чувством отчаяния докладывал:

– Господин генерал! Мы совершенно бессильны. Нас никто не слушает. «Они» не хотят идти...

Теперь «они» шли.

Даже 1-го сентября, когда генерал Алексеев находился уже в Могилеве, командующий войсками Московского округа, полковник Верховский говорил ему по аппарату: «сегодня выезжаю в Ставку с крупным вооруженным отрядом для того, чтобы покончить то издевательство над здравым смыслом, которое до сих пор имеет место! Корнилов, Лукомский, Романовский, Плющевский-Плющик, Пронин и Сахаров должны быть арестованы немедленно и препровождены»... Революционный неопит был так нетерпелив в своем желании лично разгромить Ставку, что не соглашался подождать ответа отвлеченного к другому аппарату Алексеева: «выеду непременно... не имею времени ожидать, отдаю распоряжения об отъезде»...

Генерал Алексеев, беседуя с Керенским по аппарату,⁵⁹ указав на создаваемые им осложнения, говорил: «я принял на себя обязательство путем одних переговоров окончить дело... Мне не было сделано даже намека на то, что уже собираются войска для решительных действий против Могилева». Керенский оправдывался и необычайно торопил ликвидацию: «нами был получен за эти сутки целый ряд сообщений устных и письменных, что Ставка имеет большой гарнизон из всех родов оружия, что она объявлена на осадном положении, что на 10 верст в окружности выставлено сторожевое охранение, произведены фортификационные работы с размещением пулеметов и орудий... Принимая всю обстановку во внимание, не считаю возможным подвергать вас и следственную комиссию возможному риску и предложил Короткову двигаться. Никаких других распоряжений каким бы то ни было другим частям от меня не исходило. Я предлагаю вам передать генералу Корнилову, что он должен сдать вам должность, отдать себя в распоряжение власти, демобилизовать свои войсковые части немедленно, причем ответственность на эти части не упадет, если это будет сделано немедленно... Все это должно быть выполнено... в 2-х часовой срок с момента окончания нашего с вами разговора... Если через два часа не получу от вас ответа, я буду считать, что вы захвачены генералом Корниловым и лишены свободы действий».

⁵⁷ Телеграмма Керенского N 525.

⁵⁸ Телеграмма прапорщика Толстого.

⁵⁹ Разговор между 15–30 и 17–10 ч. 1-го сентября.

Генерал Алексеев возражал, что должность он принял, «безопасность и свобода действий его и следственной комиссии вполне обеспечена», что «в Могилеве никакой артиллерии нет, никаких фортификационных сооружений не возводилось, войска вполне спокойны, и только при наступлении подполковника Короткова столкновение неизбежно». Наконец, что в течение двух часов он не в состоянии собрать всех военных начальников.

Но Керенский очевидно не верил еще в благополучный исход ликвидации и проявлял великое нетерпение и страх. В исходе дня начальник его кабинета, полковник Барановский вновь обратился в Ставку с напоминанием:

«Верховный главнокомандующий требует, чтобы ген. Корнилов и его соучастники были арестованы немедленно, ибо дальнейшее промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Демократия взволнована свыше меры и все грозит разразиться колоссальным взрывом, последствия которого трудно предвидеть. Этот взрыв в форме выступления советов и большевизма ожидается не только здесь, в Петрограде, но и в Москве и других городах. В Омске арестован командующий войсками, власть перешла к совету. Обстановка такова, что дальше медлить нельзя: или промедление и гибель всего дела спасения родины, или немедленные решительные действия, аресты указанных вам лиц и тогда возможна еще борьба. А. Ф. Керенский ожидает, что государственный разум подскажет ген. Алексею решение и он примет его немедленно: арестует Корнилова и его соучастников... Сегодня, сейчас необходимо дать это в газеты, чтобы завтра утром об аресте узнала вся организованная демократия. Для вас должны быть понятны те политические движения, которые возникли и возникают на почве обвинения власти в бездействии и попустительстве. Советы бушуют и разрядить атмосферу можно только проявлением власти и арестом Корнилова и других. Повторяю дальнейшее промедление невозможно. Нельзя дальше только разговаривать, надо решаться и действовать»...

В этом панического характера обращении⁶⁰ к Вырубову с исчерпывающей ясностью установлены взаимоотношения министра председателя с советами и те личные побуждения, которые двигали им во всей истории столкновения. Это впечатление не устраняет введенная в обращении вводная фраза о спасении Родины...

Алексеев ответил: «Около 12 1/2 часов главковерху отправлена мною телеграмма, что войска, находящиеся в Могилеве верны Временному Правительству и подчиняются безусловно главковерху. Около 22 часов генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полковник Плющевский-Плющик арестованы. Приняты меры путем моего личного разъяснения совету солдатских депутатов установления полного спокойствия и порядка в Могилеве; послан приказ полковнику Короткову не двигать войска его отряда далее станции Лотва, так как надобности в этом никакой нет. Таким образом, за семь часов времени пребывания моего в Могилеве были исполнены только дела и исключены разговоры. Около 24-х часов прибывает следственная комиссия, в руки которой будут переданы чины уже арестованные, и будут арестованы по требованию этой комиссии другие лица, если в этом встретится надобность. С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы советов, являются неоспоримым фактом».

* * *

Когда велись еще последние переговоры, они имели по существу информационный, формальный характер, ибо психологически в Ставке все уже было кончено. Еще 29-го весьма поспешно уехал из Могилева Завойко – «подымать Дон»;⁶¹ Многие чины Ставки перестали

⁶⁰ Оно авторизовано Керенским, как видно из его книги «Прелюдия большевизма».

⁶¹ Был по пути арестован и некоторое время содержался в Петрограде на гауптвахте вместе с В. Львовым.

ходить на занятия; большая группа толпилась днем и ночью в том доме, в котором должен был остановиться генерал Алексеев... В хронике Корниловского полка описывается сцена, как 31-го в одной группе «приближенных» шли разговоры о «бегстве», и только один из присутствовавших с возмущением заявил, что долг всех, стоявших заодно с генералом, до конца оставаться при нем и разделить его участь, хотя бы это была смерть. Заместитель арестованного председателя Главного комитета офицерского союза спрашивал Алексеева по прямому проводу «как быть» и докладывал своему почетному председателю, что «союз до последней минуты шел по тому пути, на который Вы его благословили, и Главный комитет всюду поддерживал те требования, которые предъявлялись генералом Корниловым для устройства армии»... Доклад заканчивался тревожной фразой: «смею добавить, что судьба Главного комитета и всего союза в Ваших руках»...

С полками простился Корнилов в лице их командиров. Он был спокоен и внешне ничем не проявлял внутреннего состояния своей души.

– Передайте Корниловскому полку – сказал он – что я приказываю ему соблюдать полное спокойствие, я не хочу, чтобы пролилась хоть одна капля братской крови.

Капитан Неженцев, командир Корниловского полка, рыдая, как ребенок, говорил:

– Скажите слово одно, и все корниловские офицеры отдадут за вас без колебания свою жизнь...

Более сдержанным был командир Текинского полка, полковник Кюгельген, который на вопрос приближенных Корнилова, можно ли ожидать от полка самопожертвования, ответил:

– Я не знаю.

Полковник Кюгельген не сроднился с полком и говорил только от себя.

Впрочем, все уже было кончено и решено. Даже нечто страшное, еще не высказанное, но уже овладевшее мыслью и сдавившее ее в холодных тисках обреченности...

Наступила ночь, и губернаторский дом погрузился в тревожную, жуткую тишину. Верховный подводил итоги своей жизни. Все кончено, все усилия его спасти страну и армию пошли прахом; поддержки тех, на кого надеялся, не встретил; надежды более нет. Жить дольше не стоит.

Я не знаю, но я уверен, что в эти минуты на решение Верховного влияло и связывающее слово, сказанное им 28-го в «обращении к народу»:.. «Долг солдата, самопожертвование гражданина Свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня в эти грозные минуты бытия отечества не подчиниться приказанию Временного правительства... Я заявляю всему народу русскому, что *предпочитаю смерть устранение меня от должности Верховного*». Завойко позволил себе, не имеет нравственного права, поместить в проекте воззвания столь индивидуального характера фразу, которая могла бы исходить лишь от самого лица, обращавшегося с воззванием, оказывала несомненно нравственное давление, и исключение которой для Верховного было психологически трудно или даже невозможно.

Но Корнилов не мог уйти из жизни тайно. Его мысли разгадала друг-жена, делившая с ним 22 года его трудную, беспокойную жизнь... На другой день в той самой комнате, где некогда томился духом свергаемый император, происходила новая мистерия, в которой шла борьба между холодным отчаянием и беспредельной преданной любовью.

Выйдя из кабинета мать сказала дочери:

– Отец не имеет права бросить тысячи офицеров, которые шли за ним. Он решил испытать чашу до дна.

Так как все чины Ставки, причастные к выступлению, подчинились добровольно, то арест их, произведенный 1-го сентября генералом Алексеевым, имел скорее характер необходимой предосторожности против «правительственных отрядов» и революционной демократии, враждебно настроенной в отношении «мятежников». Губернаторский дом окружили постами георгиевцев, внутренние караулы заняли верные текинцы. На другой день генерала

Корнилова и его соучастников перевели в одну из могилевских гостинниц, а в ночь на 12 сентября всех повезли в Старый Быхов, в наскоро приспособленное для заключения арестованных здание женской гимназии.

Ставка и город начали мало помалу приходить в себя. Гарнизон несколько еще волновался: корниловцы испытывали тяжелое чувство недоумения, внутренних противоречий и подавленности от пережитой драмы; георгиевцы подняли головы. Ген. Алексеев поддержал нравственно первых, пристыдил вторых, обещая прочесть длинные списки полученных ими за городские выборы «денежных подарков» от еврейского населения Могилева. На первом же смотре корниловцев он громко в присутствии собравшейся толпы солдат и граждан сказал, что Корнилов не виновен в приписываемых ему преступлениях, и что праведный суд снимет с него тяжелое и необоснованное обвинение...

Одно это коренное расхождение во взглядах до крайности затрудняло совместную службу его с Керенским. Но и кроме этого атмосфера Ставки становилась совершенно невыносимой: «корниловские мероприятия для оздоровления армии были отброшены; армия волновалась, офицерство попало в еще более мучительное положение». «Я сознаю – писал Алексеев одному из союзных военных агентов – свое бессилие восстановить в армии хоть тень организации: комиссары препятствуют выполнению моих приказов, мои жалобы не доходят до Петрограда; Керенский рассыпается в любезностях по телеграфу и перлюстрирует мою корреспонденцию; не взирая на все обещания его, судьба Корнилова остается загадочной»⁶²... Еще более определенно высказался генерал Алексеев в письме своем к Калединому: «три раза я взывал к совести Керенского, три раза он давал мне честное слово, что Корнилов будет помилован; на прошлой неделе он показывал мне даже проект указа, одобренный, якобы, членами правительства... Все ложь и ложь! Керенский не подымал даже этого вопроса... По его приказу украдены мои записки. Он или к... или сумасшедший. По моему – к... В этом письме совершенно ново требование помилования. В Быхове шел разговор исключительно о *реабилитации*, и амнистия считалась совершенно неприемлемой. Также безрезультатны были его усилия вырвать из Бердичева находившуюся там в тюрьме группу генералов. Генерал Алексеев, не достигнув в этом отношении никаких результатов в смысле воздействий на Керенского, написал горячее письмо редактору „Нового Времени“ Б. Суворину, требуя, чтобы немедленно была поднята газетная кампания „против убийства лучших русских людей и генералов“. Действительно, вскоре печать занялась нашим делом, хотя, впрочем, усилия ее только разжигали еще более страсти бердичевских военно-революционных организаций».

Но совершенно невыносимым стало положение ген. Алексеева, когда он получил неожиданное сведение, что его действия вызывают осуждение со стороны... ген. Корнилова, который считает, что с ликвидацией Ставки роль генерала Алексеева окончена и что дальнейшее пребывание столь авторитетного лица на посту начальника штаба только укрепляет морально позицию Керенского... Дальнейшая жертва оказалась ненужной, и генерал Алексеев ушел.

На должность начальника штаба Верховного был призван генерал Духонин, начальник штаба Западного фронта.

Корниловское выступление закончилось.

В ряду катаклизмов русской революции – это был едва ли не наиболее спорный в оценке его целесообразности и последствий. По первому вопросу я высказался раньше: нет надобности говорить о целесообразности явления, когда оно стало исторически неизбежным. По второму... Керенский считает корниловское движение «прелюдией большевизма» –

⁶² Chessin «Au pays de la demence rouge»

оценка, имеющая вполне правильное обоснование, если только довести мысль до логического конца, определив, какой именно *момент* движения считать «прелюдией».

Таким моментом была без сомнения *победа Керенского*.

Победа Керенского – поражение Корнилова. Этот этап в историческом ходе революции своими ближайшими видимыми результатами, вне исторической перспективы, заслонил истинный характер движения, создав теории настолько же элементарные, насколько и близорукие: «контрреволюция», «бонапартизм», «авантюризм». Между тем, выступление Корнилова было только хотя и односторонней, но яркой вспышкой на фоне долгой, тягучей и бездейственной борьбы между социалистической и либеральной демократией.⁶³ Корпус Крымова и офицерские организации, не взирая на преобладание, быть может, в командном составе их элементов более правых, являлись все же в силу сложившейся обстановки и характера организующего центра, орудием либеральной демократии. Поэтому, когда в стане своих врагов корниловцы увидели всю революционную демократию и особенно приостановивший на время свое вооруженное выступление левый сектор ее (большевиков) – это было понятно и естественно. Но что из среды рыхлой, боязливой или инертной интеллигентской массы, сохранявшей «нейтралитет», на т о и стороне оказалось много, очень много видных либеральных деятелей – это являлось совершенно неожиданным, представляя большое и роковое историческое недоразумение. Газеты начала сентября наполнены резолюциями отделов партии народной свободы и общественных комитетов, из которых одни призывали к осторожности в. вопросе осуждения Корнилова, другие выносили ему резкое осуждение, третьи присоединялись к клеветническим выпадам против него революционных организаций. Даже, когда последние призывали русских воинов «не верить тем, кто во имя восставления старого порядка готовь предать свободу, предать родину и открыть путь немцам».

И это говорили или по крайней мере с этим соглашались те самые люди, которые только две недели тому назад на Московском совещании пели «осанну» Верховному главнокомандующему, возлагая на него все свои надежды.

Вообще, в эти дни несуществующее⁶⁴ правительство получило от самых разнообразных кругов огромную массу телеграмм и постановлений, выражавших доверие к нему, сочувствие и обещание активной поддержки: революционный этикет имел точно установленные и строго обязательные формы, скрывавшие истинную сущность...

Русская либеральная демократия в этот исторический момент проявила удивительное отсутствие прозорливости и даже простого политического такта. Все ждали, все хотели изменения порядка государственного управления, не могли заблуждаться относительно тех путей, которыми придет это изменение и, тем не менее, остались теплыми среди холодных и горячих – для того, очевидно, чтобы через два месяца приступить к лихорадочной организации «центров» и очагов восстания и сопротивления.

Буржуазия, распыленная и физически, и духовно, терялась во враждебной ей стихии, и часть ее из чувства самосохранения присоединяла свой голос к голосу тех, кто шествовал за победной колесницей.

Каким образом слагалась эта психология общественности в корниловские дни, поясняют следующие строки одного из видных общественных деятелей того времени:

«Перед страной было неудавшееся, сорванное выступление, которое нельзя было уже ни спасти, ни переделать.

Как могли отнестись ко всему этому, так называемые общественные круги?»

⁶³ Правые партии были сметены революцией, и отдельные члены их входили в состав Совещания общественных деятелей и в петроградские военно-общественные организации.

⁶⁴ Все министры подали в отставку.

«Многие поникли головой и опустили руки. Другие, еще державшиеся на поверхности и пытавшиеся еще что-то спасти, не имели ни времени, ни оснований останавливаться на несостоявшихся действиях и оценивать их в отвлеченности. Им оставалось только идти дальше. Наконец, третьи с резкостью напали на неудачную попытку, которая сыграла в пользу противников».

«Эти три течения были в кругах не социалистических. А среди этих последних стоял скрежет зубовой и клокотала небывалая ярость».

«Я нарочно очерчиваю сейчас общее обывательское состояние, ибо тогда все реагировало, все воспринимало, все отзывалось. Под этим общим настроением разумею и настроенные массы членов партии к. д. и примыкавших к ним. Эти настроения возникали и слагались сами, *ибо никакой общей команды из центра партии не было*».

«Нужно принять также во внимание и то, что во многих местах к. – д. были связаны разными техническими соглашениями с умеренными социалистами, входили в разные коалиции, которые отражали на местах коалицию Временного правительства. Наконец, нужно иметь в виду, что к. д. были в составе Вр. правительства. И вдруг, это самое Вр. правительство объявляет стране, что готовилось на него, а не на советы покушение. Очевидно, что для недоумения, соблазнов и неразберихи полной и общей было более чем достаточно оснований. Истинное положение стало выясняться только позднее. В „первые же дни“, как это всегда бывает при неудаче, вихрем понеслись обвинения, порицания и проклятия. Эсэровские думы были от злобы и бешенства. К.-д. фракция отражала названные выше настроения».

Правда, были и объективные условия, способствовавшие углублению недоразумения. В широких провинциальных кругах, мало посвященных в тайны носато «двора», настоящая физиономия Временного правительства и истинная роль в нем триумвирата и Керенского были недостаточно хорошо известны. Еще менее определенным казался политический облик Корнилова, в силу исключительного положения его как *военного* вождя и вследствие конспиративного характера деятельности его окружения. Наконец, с самого своего начала в силу ряда неблагоприятных обстоятельств успех выступления представлялся весьма проблематичным...

Последнее обстоятельство – едва ли не самое главное. Я глубоко убежден, что техническая удача выступления в корне изменила бы всю политическую оценку корниловского движения. Нашлась бы и глубокая почвенность и сочувствие широких либеральных кругов и самое яркое кричащее его проявление. В бесстрастном отражении истории отпадает вся театральная бутафория, созданная человеческой слабостью: резолюции общественных деятелей – дань революционной традиции, приносимая не раз «страха ради иудейска»... Проявление покорности правительству генералов – не только просто ненавидевших его, но и причастных к подготовке выступления... Постановления о своей непорочности и с порицанием «мятежу» – войсковых частей, военно-общественных организаций, неведомых «офицерских депутатов», даже столичных военных училищ, чуть ли не поголовно причастных к конспиративным кружкам... Все эти декорации создавали картину пожарища, где на обширном поле, объединенные в несчастье, сидят среди своего спасенного скарба – «завоеваний революции» – негодующая демократия, порицающая буржуазия, и «обманутые» войска. А посреди мрачно высятся обгорелые стены Быховской тюрьмы.

Генерал Корнилов чувствовал себя всеми покинутым и болезненно нервно относился к сообщениям печати о своем «деле»:

– Я понимаю, что лбом стены не прошибешь, но зачем они так стараются...

Особо удручали его слухи, что даже его детище – Корниловский полк снял свои нарукавные знаки⁶⁵ и пошел «на поклонение новым богам». Слухи были не верны. Возмущен-

⁶⁵ На голубом фоне черег со скрещенными костяки и надпись «Корниловцы.»

ный ими командир полка, капитан Неженцев, писал: «я приказал снять эмблему, так как был бессилен в борьбе с темной солдатской массой, разжигаемой... агитаторами, заполняющими все железнодорожные станции и, подобно кликушам, выкрикивающими с надрывом голосовых связок против Вас и полка, носящего Ваше имя... Но, сняв дорожную нам эмблему... мы ею прикрыли наш ум, наше сердце и волю»...

Как бы то ни было, после августовских дней в словаре революции появился новый термин – «корниловцы». Он применялся и в армии, и в народе, произносился с гордостью или возмущением, не имел еще ни ясных форм, ни строго определенного политического содержания, но выражал собою, во всяком случае, резкий протест против существовавшего режима и против всего того комплекса явлений, который получил наименование «керенщины».

К половине октября буржуазная пресса открыла кампанию в пользу реабилитации Корнилова, а на возобновившемся многолюдном «Совещании общественных деятелей» в Москве вновь послышалась «осанна» мятежному Верховному. Сначала робко – из уст Белевского, который говорил: «...нас называют корниловцами. Мы не шли за Корниловым, ибо мы идем не за людьми, а за принципами. Но поскольку Корнилов искренно желал спасти Россию, – этому желанию мы сочувствовали». Потом смелее – устами А. И. Ильина: «Теперь в России есть только две партии: партия развала и партия порядка. У партии развала – вождь Александр Керенский. Вождем же партии порядка должен был быть генерал Корнилов. Не суждено было, чтобы партия порядка получила своего вождя. Партия развала об этом постаралась». Оба заявления были встречены «громом аплодисментов».

Мало помалу положение стало проясняться. Снова начинало организовываться сбитое с толку в августовские дни общественное мнение, теперь уже явно сочувственное корниловскому движению.

Керенский победил.

Все трагическое значение этой победы обнаружилось на другой же день после ареста Корнилова: 2-го сентября 3-му конному корпусу ведено было двигаться к Петрограду для защиты государственного строя, Временного правительства и министра-председателя от готовившихся посягательств анархо-большевиков. В составе корпуса были все те же офицеры, которые вчера еще шли сознательно против Временного правительства, и только во главе корпуса вместо «мятежного» генерала Крымова стоял подлинно «царский» генерал Краснов, притом между Ставкой и Керенским происходили трения: последний намечал на должность корпусного командира генерала Врангеля.

Победа Керенского означала победу советов, в среде которых большевики стали занимать преобладающее положение, упрочила позицию самочинно возникших левых боевых организаций, в виде военно-революционных комитетов, комитетов защиты свободы и революции и т. д. Не приобретя ни в малейшей степени доверия революционной демократии – этот термин в понимании масс переместился теперь значительно влево – Керенский окончательно оттолкнул от себя и Временного правительства те либеральные элементы, которые, пережив период паники, не могли потом простить ему своего ослепления; оттолкнул окончательно и офицерство – единственный элемент – забитый, загнанный, попавший в положение париев революции и все же сохранивший еще способность и стремление к борьбе. Потеряв решительно всякую опору в стране, Временное правительство считало возможным продолжать еще два месяца свои функции, заключающиеся преимущественно в словесной регистрации тех явлений окончательного распада, которые переживало государство.

В октябре известная часть петроградской печати, с легкой руки Бурцева, выпускала зажигательные статьи и летучки под общим аншлагом:

«Керенский должен поехать в Быхов и сказать генералу Корнилову: виноват!»

Это предложение вызывало у одних гнев, у других улыбку и казалось тогда лишь более или менее остроумным полемическим приемом – не более того. Между тем, официальная реабилитация Корнилова действительно была единственным выходом из положения, требовавшим от Керенского по нашему разумению справедливости, по его психологии – политического и нравственного самопожертвования; выходом, который в бесстрастном и нелицеприятном освещении истории стал бы актом высокой государственной мудрости.

В Быхов Керенский не поехал. Но... в конце ноября судьба заставила его поехать в Новочеркасск и постучаться в двери другого «мятежника», генерала Каледина, ища убежища и защиты. Дверь оказалась запертой.

В оправдание свое революционной демократией часто высказывается мнение, что корниловское выступление окончательно развалило армию, ибо «вся трудная работа армейских организаций по созданию новой дисциплины и взаимного доверия в армии была снесена этим неслыханным актом мятежа высшего офицерства»...⁶⁶ Та картина состояния армии, которую я привел в 1 томе, свидетельствует, что развал шел неизменно прогрессируя, ибо не ставилось никаких преград этому процессу. И, если дни выступления вызвали ряд новых кровавых расправ над несчастным офицерством, то это были только пароксизмы в общем течении социальной болезни, ставшей или вовсе неизлечимой или требовавшей хирургического вмешательства. Подмена генерала революционным деятелем на посту Верховного не внесла большого доверия к военной власти; массовые перемены в старшем командном составе не изменили его внутреннего существа, так как в этой среде были «корниловцы», были перелеты, но не было вовсе «керенцев»; выброшенный за борт по подозрению в «контрреволюционности» новый десяток тысяч офицеров, ослабив интеллектуально армию, не сделал оставшийся состав более однородным и революционным.

Армия шла к предначертанному ей концу. Но и в самом офицерстве под влиянием августовских событий произошло замешательство и некоторый психологический сдвиг.

«Замешательство при виде неустойчивого и сомнительного поведения многих старших начальников... Сдвиг – пока еще не в области политического мирозерцания, а лишь в поисках тех общественных группировок, которые удовлетворяли бы элементарным запросам их оскорбленного человеческого достоинства и возмущенного чувства патриотизма. В корниловские дни офицерство видело, что либеральная демократия, в частности кадеты, за немногими исключениями находятся или „в нетях“ или в стане врагов. Это обстоятельство они учли и запомнили. Оно сыграло впоследствии не маловажную роль в создании известных политических настроений в стане антибольшевистских армий. Офицерство больно почувствовало тогда, что его бросила морально часть командного состава, грубо оттолкнула социалистическая демократия к боязливо отвернувшись от него – либеральная.

Все описанные явления произвели бурное волнение лишь в верхних слоях – политически действенных – русского взбаламученного моря и отчасти в армии. Глубин народных, – того народа, во имя которого строилась, боролась, низвергалась власть, корниловское выступление не всколыхнуло. Совершенно безразлично отнеслась к нему деревня, занятая черным переделом; несколько более экспансивно рабочая среда в массе своих „беспартийных“; а безликий обыватель, еще более павший духом, продолжал писать теперь уже в Быхов – с мольбою о спасении, тщательно изменяя при этом свой почерк и опуская письма подальше от своего квартала.

⁶⁶ Левый с. р. Штейнберг. «От февраля по октябрь 1917 г.»

Глава VIII

Переезд „Бердичевской группы“ в Быхов. Жизнь в Быхове. Генерал Романовский

„Бердичевская группа арестованных“ ехала беспрепятственно в Старый Быхов.⁶⁷ Предполагалась враждебная встреча на станции Калинковичи, где сосредоточено было много тыловых учреждений, но ее проехали ранним утром, и вокзал был пуст. Из конского вагона в Житомире нас перевели в товарный – приспособленный, с нарами, на который мы тотчас улеглись, и после пережитых впечатлений вероятно все заснули мертвым сном. Когда проснулись утром – вся обстановка в вагоне так разительно отличалась от той – вчерашней, которая еще давила на мозг и память, как тяжелое похмелье... Наша стража – караульные юнкера – относились к нам с трогательным, каким-то застенчивым вниманием. Помощник фронтового комиссара Григорьев, зашедший в вагон, воодушевлено рассказывал, как его на вокзале „помяли“ и как он „честил“ революционную толпу. Казалось, что мы находимся в кругу своих доброжелателей, и единственный, кто чувствует себя арестованным, это – очередной комитетский делегат, вооруженный револьвером в какой-то огромной кобуре, хранящий молчание и беспокойно поглядывающий по сторонам.

В Старом Быхов мы простились с нашими спасителями – юнкерами. Я не знаю ни имен их, ни судьбы: всех разметало по лицу земли, многих погубило русское безвременье. Но если кому-нибудь из уцелевших попадутся на глаза эти строки, пусть примет мой низкий поклон.

На станции нас ожидал автомобиль польской дивизии и брички. Я с Бетлингом⁶⁸ и двумя генералами сели в автомобиль; комитетчики запротестовали: пришлось одного взять на подножку. Покружили по грязным улицам еврейского уездного города и остановились перед старинным зданием женской гимназии. Раскрылась железная калитка, и мы попали в объятия друзей, знакомых, незнакомых – быховских заключенных, которые с тревогой за нашу судьбу ждали нашего прибытия.

Явился к Верховному.

– Очень сердитесь на меня за то, что я вас так подвел? – говорил, обнимая меня Корнилов.

– Полноте, Лавр Георгиевич, в таком деле личные невзгоды не причем.

Мы уплотнили население Быховской тюрьмы; я и Марков расположились в комнате генерала Романовского. Все пережитое казалось уже только скверным сном. У меня наступила реакция – некоторая апатия, а самый молодой и экспансивный из нас – генерал Марков писал 29-го к» своих летучих заметках:

«...Нет, жизнь хороша. И хороша – во всех своих проявлениях!..»

Ко 2-му октября в тюрьме находились: генералы 1. Корнилов, 2. Деникин, 4. Эрдели, 3. Ванновский, 5. Эльснер, 6. Лукомский, 8. Романовский, 7. Кисляков, 9. Марков, 10. Орлов; подполковники 17. Новосильцев, 13. Пронин, 20. Соотс; капитаны Ряснянский, 18. Роженко, 12. Брагин; есаул 19. Родионов; штабс-капитан Чунихин; поручик 21. Кяецандо; прапорщики 14. Никитина 15. Иванов; военный чиновник Будилович: 16. И. В. Никаноров – сотрудник «Нового Времени»; 11. А. Ф. Аладьин – член I-ой Государственной Думы.⁶⁹

Быховские узники менее всего похожи были на опасных заговорщиков.

⁶⁷ См. Т. 1, глава XXXVII.

⁶⁸ Командир юнкерской полуроты.

⁶⁹ Указанные цифры соответствуют проставленным на прилагаемом снимке.

Люди самых разнообразных взглядов, в преобладающем большинстве совершенно чуждые политики и объединенные только большим или меньшим соучастием в корниловском выступлении и безусловным сочувствием ему. Одни принимали в нем фактическое участие, другие попали на таких же основаниях, на которых можно было привлечь 9/10 всего офицерства, третьи – просто по недоразумению. Жизнь разметала их впоследствии; семеро из них погибло;⁷⁰ некоторые по своим взглядам и позднейшей деятельности ушли далеко от идейного содержания корниловского движения... Но, тем не менее, 1 1/2 месяца пребывания в Быховской тюрьме, близкое общение, совместные переживания, общая опасность и общие надежды оставили после себя живой след и добрую память. Отбросим темные пятна...

Быховские узники пользовались полной внутренней автономией в пределах стен тюрьмы. Ни Верховная следственная комиссия, ни представитель Совета – Либер, ни комиссары Вырубов и Станкевич, посещая тюрьму, не делали никаких посягательств на изменение внутреннего режима. Создавалось такое впечатление, будто всем было очень неловко играть роль наших «тюремщиков».

⁷⁰ Корнилов, Романовский, Кисляков, Марков, Роженко, Будилович, Чунихин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.